

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

международный научный журнал

7
2021

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№7 (31) / 2021

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребзов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Цимерман В.С. Некоторые вопросы совершенствования правового статуса Конституционного Суда Российской Федерации	1
--	---

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Матвеева М.А. К вопросу о правовом статусе Центрального Банка	4
Трофимов В.А. К вопросу о налоговом контроле трансфертного ценообразования в Российской Федерации	6

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Бринзей Н.А. Проблема терминологического аппарата в области торговой деятельности с использованием передвижных средств торговли	8
Катаева А.М. К вопросу о понятии «корпоративный контроль» в российском праве	11
Кашуба В.Н. Понятие, причины возникновения дедлока в непубличном обществе и способы его предупреждения	14
Кудряшова Н.С. Понятие и значение антимонопольного комплаенса	19

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Беляева М.С. Использование скриншота в качестве доказательства в гражданском судопроизводстве как средство повышения доступности правосудия	22
Старцев И.В. Соотношение оснований конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника	24

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Шаханин В.А.

Конституционно-правовые основы судоустройства в Содружестве Австралии 29

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Некоторые вопросы совершенствования правового статуса Конституционного Суда Российской Федерации

Цимерман Вадим Сергеевич, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье предлагается внесение изменений в организационно-правовую форму конституционного суда, для повышения конституционного контроля с его стороны и его эффективности, в современных условиях.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, конституционное правосудие, полномочия Конституционного Суда Российской Федерации, концепция правового регулирования.

Prospects for the development of the organizational and legal form of the implementation of constitutional justice in the Russian Federation

This article suggests making changes to the organizational and legal form of the constitutional court in order to increase its control and effectiveness in modern conditions.

Keywords: constitutional court, supreme court, control, organizational and legal form.

Конституционное правосудие является одним из видов судебной деятельности в целом, является характерным признаком и неотъемлемым элементом правового государства [1].

Система конституционного правосудия России основана по принципу европейской, для которой характерно формирование самостоятельных судебных органов, основная деятельность которых направлена непосредственно на рассмотрение конституционно-правовых споров. На практике данная модель находит свое отражение следующим образом — на федеральном уровне — Конституционный Суд Российской Федерации, на региональном — конституционный суд субъекта Российской Федерации.

Правовое положение конституционных судов как части всей судебной системы закреплено в ч. 2 ст. 4 ФКЗ от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ч. 2 ст. 17 указанного закона отражает юридический аспект создания и упразднения должности судьи такого суда [2].

Согласно Федерального закона «О Конституционном суде» Конституционный Суд Российской Федерации — высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющий судебную

власть самостоятельно и независимо посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации.

Правовое положение Конституционного Суда РФ находится в постоянном развитии. В 2001–2015 гг. происходило активное совершенствование статуса Конституционного Суда РФ. Это связано с тем, что, анализируя его деятельность, законодатель считал возможным внести изменения, направленные на оптимизацию работы суда. Данный судебный орган достаточно загружен, ежегодно в Суд поступает от 14000 до 19000 жалоб граждан [4], что свидетельствует о доверии людей к Конституционному Суду. Возможно, именно тот факт, что законодатель развивает правовую базу, регулиующую положение Конституционного Суда, способствует его эффективной работе.

Первое преобразование связано с количеством судей Конституционного Суда РФ, их количество сокращается до 11 человек, включая Председателя Конституционного Суда и его заместителей.

Также за Конституционным Судом РФ закрепляется право проверять по запросу президента принятые Государственной думой законопроекты еще до их подписания главой государства. Это поправка вводит предварительный конституционный контроль и подчеркивает роль суда как негативного законодателя.

Необходимо изменение организационно-правовой формы Конституционного суда, для эффективности реализации контрольных полномочий и полного выполнения функций судебного надзора.

Для повышения эффективности осуществления конституционного правосудия целесообразно введение новых форм взаимодействия с иными органами государственной власти Российской Федерации. В том числе, для обеспечения единства судебной практики в целях должного исполнения решений Конституционного Суда РФ предлагается введение института постоянного (полномочного) представителя Верховного Суда РФ в Конституционном Суде РФ и выделение в качестве особого направления деятельности Конституционного Суда РФ его взаимодействие с Верховным Судом РФ по вопросам «учета» федеральными судами правовых позиций и исполнения решений Конституционного Суда.

1) Введение института постоянного представителя Верховного Суда РФ в Конституционном Суде РФ и выделение в качестве особого направления деятельности Конституционного Суда РФ его взаимодействие с Верховным Судом РФ по вопросам «учета» федеральными судами правовых позиций и исполнения решений Конституционного Суда РФ, для обеспечения единства судебной практики в целях должного исполнения решений Конституционного Суда РФ.

Такое взаимодействие может осуществляться следующим образом: обзор изменений правового регулирования с учетом правовых позиций Конституционного

Суда РФ и представление соответствующих материалов Пленуму Верховного Суда РФ для последующего обязательного доведения этих сведений до всех судов страны [9].

2) Введение дополнительного полномочия Конституционного Суда РФ, как вынесение представлений компетентным органам и должностным лицам о допущенных ими нарушениях Конституции. Главное предназначение подобного рода представлений — разъяснение выявленного конституционно-правового смысла нормы, что зачастую необходимо для должного изменения правового регулирования; помощь в уяснении правовой позиции Конституционного Суда РФ [10].

Подобный механизм позволит вносить комплекс необходимых изменений в действующее законодательство, используя системный подход при разработке проектов законов, иных нормативных правовых актов.

Предлагается включить Генерального прокурора РФ в число субъектов обращения в Конституционный Суд РФ, обладающих правом запроса в соответствии с частью 2 и частью 5 статьи 125 Конституции РФ. Закрепление такого права за Генеральным прокурором РФ по сути будет являться правом инициирования абстрактного нормоконтроля, когда запрос вызван не решением конкретной проблемы какого-либо гражданина, а связан с осуществлением Прокуратурой контрольно-надзорной государственной функции. Закрепление за Генеральным прокурором РФ указанного права будет способствовать целям обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества.

Таким образом, совершенствование конституционно-правового статуса Конституционного Суда Российской Федерации будет способствовать повышению эффективности осуществления конституционного правосудия.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-3 www.esa-conference.ru
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации»/ Справочная правовая система «Консультант Плюс» // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 19.12.2020).
3. Конституционно-правовые основы участия граждан Российской Федерации в отправлении правосудия / Комкова Г. Н., Кулушева М. А. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. — 144 с.
4. Грицай Д. В. Совершенствование правового статуса конституционного суда Российской Федерации // НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА. Сборник статей по материалам 75-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2019 год. Отв. за выпуск А. Г. Кощаев. — Издательство: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (Краснодар). — 2020. — С. 1064–1067.
5. Искандарова Р. Т. Проблема независимости судей в Российской Федерации // Актуальные исследования. 2020. № 10 (13). Ч. II. С. 36–38. URL: <https://apni.ru/article/859-problema-nezavisimosti-sudej-v-rf>.
6. Определение конституционного суда Российской Федерации по запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности положений статьи 6–1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», части третьей статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» город Москва //

Официальный интернет-портал правовой информации // [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102091235&page=1&rdk=0#I0

7. Калинина К. А. Основания привлечения судей к дисциплинарной ответственности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 4 (33). С. 121.
8. Элибаев А. С. Права и свободы личности в деятельности конституционного суда РФ // Инновационная наука. — 2018. — № 6. — С. 128–130.
9. Брежнев О. В. «Процессуальные аспекты деятельности Конституционного Суда Российской Федерации: Проблемы и пути их решения». / О. В. Брежнев. // Конституционное и муниципальное право. — 2018. № 2. 309 с.
10. Кряжков В. А. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации (правовые основы и практика).

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

К вопросу о правовом статусе Центрального Банка

Матвеева Мария Андреевна, студент

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

В данной статье рассматривается спорное правовое положение Центрального Банка в системе органов власти Российской Федерации и различные подходы к его определению.

Ключевые слова: право, Центральный Банк, государственная власть.

Рассматриваемая в данной научной статье тема является актуальной, поскольку в нашей стране законодательство о Центральном Банке в сфере как финансовых, так и иных правоотношений является противоречивым и имеет ряд норм права, которые, по нашему мнению, требуют корректировки. И в связи с этим цель данной работы это выявление этих аспектов и предложения по их возможному решению.

Центральный банк — орган Российской Федерации, который отвечает за денежно — кредитную политику и обеспечение работы платежной системы, а также проводит контрольные и надзорные функции в финансовом секторе страны.

Статус, цели деятельности, функции и полномочия ЦБ РФ определяется Конституцией Российской Федерации, Федеральным Законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 N 86-ФЗ» и другими федеральными законами. Миссия Банка России — обеспечение финансовой и ценовой стабильности, содействие развитию конкурентоспособного рынка [4].

В настоящее время в юридической литературе идет оживленная дискуссия о правовой природе Центрального Банка, при этом высказываются самые различные точки зрения. Особо активно дискутируют представители конституционного, административного и гражданского права [8].

В частности, потому что Центральный Банк в процессе своего правового регулирования применяет как экономические (рыночные), так и административные методы. Дискуссии на эту тему вызваны особенностями правового положения Центрального Банка Российской Федерации и тем, что Банк России имеет важное практическое значение в нашей стране.

По мнению М. И. Байтина правовой статус Центрального банка представляет собой сложный правовой институт, поскольку «объединяет множество входящих в него простых институтов, имеющих самостоятельное значение [5]. Существует несколько мнений

в юридической науке о правовом статусе Центрального Банка Российской Федерации:

1. Орган Государственной власти
2. Орган государственного управления специальной компетенции
3. Федеральный Банк
4. Юридическое лицо.

Данные точки зрения высказываются на основе анализа судебной практики, научных и учебных источников, а также действующего законодательства.

Центральный Банк по факту не является государственным органом, однако точка зрения, по которой его относят к данному статусу, имеет вполне обоснованные доказательства. Так, сторонники этой точки зрения в первую очередь ориентируются на то, что он имеет компетенции, как у органов государственной власти, например: право на нормотворчество, определенная независимость, его государственно — властные полномочия.

Тем не менее, Банк России по характеру своей деятельности, прежде всего банк, кредитное учреждение, хотя и осуществляет некоторые функции органа государственной власти [7].

Так, например, в науке финансового права ЦБ РФ, не являясь по закону органом государственной власти, однако в силу наделенных ему властных государственных полномочий по регулированию и надзору за кредитными и некредитными финансовыми организациями, относится учеными к группе органов специальной компетенции (таких как Минфин, ФНС, Казначейство).

Более того, в соответствии со статьей 21 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 N 86-ФЗ» Председатель Банка России или один из его заместителей участвует в заседаниях Правительства Российской Федерации, а также может принимать участие в заседаниях Государственной Думы при рассмотрении законопроектов, касающихся вопросов финансовой, а также экономической, кредитной и денежной политики. Согласно этой статье Банк России и Правительство Российской

Федерации информируют друг друга о предполагаемых действиях, имеющих общегосударственное значение, координируют свою политику, проводят регулярные взаимные консультации. Так же в статье 4 того же Федерального закона, указывается, что Банк России во взаимодействии с Правительством разрабатывает и проводит единую денежную политику.

Однако согласно ст. 2 Федерального закона № 86 Центральный Банк РФ — это юридическое лицо. В связи с этим возникает логический вопрос: каким образом у юридического лица столько полномочий в процессе нормотворчества, когда его акты распространяются даже на органы государственной и муниципальной власти? А также напрашивается предложение об уточнении правового статуса Центрального Банка, т. к. часто в СМИ можно увидеть или услышать, что Центральный Банк есть орган государственной власти Российской Федерации, что является неверным суждением. Данное утверждение противоречит федеральному законодательству и вводит в заблуждение население России, которое и так, к сожалению, не обладает большим уровнем правовой осведомленности, что показывают исследования [10]. Но на данный вопрос не получается дать четкий ответ, поскольку нельзя с полной точностью назвать роль и место Центрального Банка в системе государственного регулирования.

Если обратиться к зарубежному опыту, то во многих современных государствах для центральных национальных банков выделяется специальный правовой статус — банки публичного права [9]. Так, в некоторых европейских странах банки делятся на коммерческие и публичные. Юридические лица, которые законом отнесены к категории публичного права имеют отличия от обычных юридических лиц частного права. Оно выражается в том, что они создаются на основе публичного

акта и их деятельность направлена на достижение общественных целей. Особенность данного вида банков также заключается в том, что они всегда наделены властными полномочиями. Их правовой статус определен нормами публичного права, но как субъекты имущественного оборота они приравниваются к юридическим лицам частного права.

В России нет такого понятия, как статус юридического лица публичного права, и, следовательно, из этого наблюдается существенный пробел в российском законодательстве и правовом положении Центрального Банка, который попадает под признаки данного вида. Таким образом, действующая система юридических лиц не позволяет отнести его к одной из существующих форм без каких-либо оговорок [6].

Подводя итог всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что существующий правовой статус Банка России существенно затрудняет регулирование данного института, т. к. он имеет многие признаки органа государственной власти. По своим задачам он обладает основными функциями, которые можно отнести к органу государственной власти, однако по — своему особому правовому статусу его нельзя конкретно отнести ни к какой ветви власти. Данный вопрос является часто обсуждаемым среди научных деятелей, правоведов, юристов, потому что правовой статус такого органа как Центральный Банк имеет большое значение для всей системы органов власти, на всех уровнях — федеральном, региональном, муниципальном. Если не усовершенствовать положения Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации» и иного законодательства, затрагивающего данные правоотношения, то пробелы в них будут только увеличиваться и рано или поздно смогут привести к различным серьезным коллизиям в законодательстве.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2021).
2. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 N 395-1 (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 22.04.2021 г.)
3. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 N 86-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 30.03.2021 г.)
4. Сайт Центрального Банка РФ // [Электронный ресурс] URL: https://www.cbr.ru/about_br/ (дата обращения 30.03.2021 г.)
5. Байтин М. И. Система права: к продолжению дискуссии / М. И. Байтин, Д. Е. Петров // Государство и право. — 2003. — № 1.
6. Булаков О. Н. Проблемы права: статус Центрального Банка РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-prava-status-tsentralnogo-banka-rf> (дата обращения: 22.04.2021).
7. Замотаева Т. Б. Правовой статус Центрального Банка России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 40–45.
8. Неверова Н. В. К вопросу о правосубъектности Банка России как государственного органа // Ученый, Наставник, Личность... / под ред. Е. В. Покачаловой. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. С. 188–198;

9. Штанько А. А. Проблема определения правового статуса Центрального банка Российской Федерации // ИСОМ. 2016. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-pravovogo-statusa-tsentralnogo-banka-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 21.04.2021).
10. Исследование НАФИ Правовая грамотность россиян. На пути к гражданскому обществу 2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://nafi.ru/en/projects/sotsialnoe-razvitie/pravovaya-gramotnost-rossiyan-na-puti-k-grazhdanskomu-obshchestvu-2020/> (дата обращения 07.04.2021 г.)

К вопросу о налоговом контроле трансфертного ценообразования в Российской Федерации

Трофимов Вячеслав Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Разгильдиева Маргарита Бяшировна, доктор юридических наук, профессор

Саратовская государственная юридическая академия

Проблема налогового законодательства в области трансфертного ценообразования стала актуальной за последние десятилетия из-за развития международных отношений и сложившейся экономической ситуации в мире. В настоящих условиях трансфертное ценообразование все упорнее воздействует на современные реалии. В связи с этим, в статье рассматриваются новации налогового контроля трансфертного ценообразования в Российской Федерации в связи с имплементацией норм BEPS в отечественное законодательство.

Ключевые слова: BEPS, взаимозависимые лица, налог, налоговый контроль, трансфертное ценообразование, уклонение от уплаты налогов.

Трансфертное ценообразование в широком смысле представляет собой законодательно установленные правила, в соответствии с которыми корпорациям необходимо устанавливать такой уровень цен для сделок связанных сторон, чтобы он соответствовал рыночным ценам [2, с. 216]. В настоящее время представляется, что применение трансфертных цен главной своей задачей ставит уменьшение уплачиваемых налогов. [1, с. 55].

До недавнего времени в России можно было беспрепятственно осуществлять сделки торгового, посреднического и финансового характера, используя компанию, зарегистрированную в налоговой гавани. Зачастую и у покупателя, и у продавца — российских юридических лиц, есть иностранная компания, зарегистрированная в офшоре, средства по сделке проводятся между счетами этих офшоров, минуя территорию России. Именно для решения этой проблемы Россия принимает некоторые меры, предлагаемые планом BEPS:

1. Результатом имплементации меры «Цифровая экономика» стало внесение поправок в Налоговый кодекс Российской Федерации (далее также — НК РФ) относительно налогообложения сделок между взаимозависимыми лицами, введены положения о трансфертном ценообразовании.

2. Результатом имплементации меры «Правила налогового регулирования контролируемых иностранных компаний» стало внесение в НК РФ следующих изменений в части налога на прибыль организации: введено понятие бенефициара, введено требование обязательного декларирования участия в контролируемой иностранной компании и ее дохода, введено требование уплаты налога на прибыль контролирующими лицами. Налог взимается

с прибыли иностранной компании, если ее размер превысил 10 млн руб.

- Закон о контролируемых иностранных компаниях применяется уже несколько лет, в течение которых ФНС был решен ряд недоработок: уточнение форм отчетности и положений о правилах регулирования КИК, появились сотрудники налоговых инспекций, обладающие достаточной квалификацией в международном налогообложении. Но ряд проблем ждут своего решения, как на уровне страны, так и в виде ответа от мирового сообщества. Например, вопрос получения физическим и юридическими лицами двойного налогового резидентства (например, ОАЭ или Грузии), установление правила «присутствия» в юрисдикции: наличие реального офиса, формирование и подача отчетности. И если с 1 января 2019 года БВО, Белиз, Сейшельские острова и Сент-Винсент и Гренадины ввели требование экономического присутствия для всех компаний как ранее зарегистрированных, так и новых, то требование о формировании и подачи финансовой отчетности регламентировано пока только у БВО.

3. Результатом имплементации меры «Вычеты по процентам: противодействие размыванию налоговой базы Введение правила «тонкой» (недостаточной) капитализации» стало внесение поправок в НК РФ касательно понятия контролируемой задолженности.

4. Результатом имплементации меры «Противоправное использование соглашений» стало включение в нормативно-правовые акты РФ правила о том, что правом на получение льгот или освобождение от уплаты налога обладает лишь компания-конечный получатель дохода.

5. Результатом имплементации меры «Обмен информацией» стала ратификация Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам от 25 января 1988 г. Страны, присоединившиеся к конвенции, оказывают друг другу административную помощь в обмене информацией, проведении одновременных налоговых проверок, взыскании налоговой задолженности и принятии обеспечительных мер.

Подписание Россией 12 мая 2016 г. международной конвенции об обмене информацией подвело процесс деофшоризации в стране к максимальной точке. В рамках конвенции разработан стандарт по автоматическому обмену информацией (CRS- Common Reported Standard). Россия получает ежегодно данные, сформированные банками стран-участниц, о счетах резидентов Российской Федерации. Первые сведения о налоговых резидентах Россия получила в октябре 2018 года по данным 1 января — 31 декабря 2017 года.

Таким образом, такой инструмент минимизации налогообложения, как перенос центра формирования прибыли, становится бессмысленным и почти невозможным.

6. Результатом имплементации меры «Трансфертное ценообразование. Межстрановая отчетность» стало принятие постановления Правительства РФ от 14 августа 2014 г. № 805 «О заключении соглашений об обмене информацией по налоговым делам». Разработано типовое соглашение об обмене информацией по налоговым делам, предусматривающее, в частности, возможность проведения представителями налоговых органов одного государства контрольных мероприятий в другом либо их присутствие на таких проверках.

7. Введение в российское законодательство принципа «вытянутой руки» или «The Arm's Length Principle». Он является ключевым принципом налогового контроля

трансфертного ценообразования во всем мире. Принцип «вытянутой руки» нашел отражение в российском налоговом законодательстве в ст. 105.3 НК РФ. Данный концепт реализуется через огромное количество механизмов и инструментов, таких как законодательно установленных методик расчета «рыночных цен», требований по подготовке соответствующей документации, установление санкций за нарушение предписаний и т. д, то есть через т. н. правила налогового контроля трансфертного ценообразования. Правила налогового контроля трансфертного ценообразования применяются в ситуациях, когда условия, в которых совершаются сделки между взаимозависимыми лицами, отличаются от условий сделок, заключенных между независимыми сторонами, при этом сравниваются условия сопоставимых сделок (ст. 105.3 НК РФ). Правила определения сопоставимости указанных сделок также законодательно установлены (ст. 105.5 НК РФ).

ОЭСР в своих публикациях отмечает, что практическая сложность применения принципа «вытянутой руки» заключается в том, что взаимозависимые лица могут участвовать в сделках, которые не характерны для независимых сторон, вследствие чего практически отсутствуют прямые доказательства того, какие условия были бы установлены независимыми организациями. Такие операции не обязательно могут быть мотивированы уклонением от уплаты налогов, но могут иметь место потому, что при осуществлении операций друг с другом, например ТНК сталкиваются с иными коммерческими обстоятельствами, по сравнению с независимыми компаниями.

Таким образом, в настоящее время активно ведется работа по имплементации мер плана BEPS в российское законодательство в целях совершенствования налогового контроля, в том числе и контроля трансфертного ценообразования.

Литература:

1. Грундел Л. П. Направления совершенствования налогового контроля за трансфертными ценами // Финансы и кредит. 2015. № 13 (637). с. 54–62.
2. Заурбекова З. Г. Налоговый контроль как инструмент совершенствования государственного контроля при трансфертном ценообразовании // Вестник университета Туран. 2019. № 1. с. 215–220.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Проблема терминологического аппарата в области торговой деятельности с использованием передвижных средств торговли

Бринзей Николай Анатольевич, студент магистратуры
Государственный университет управления (г. Москва)

Правовой статус передвижной (мобильной, развозной) торговли в сфере розничной торговли и общественного питания неоднозначен. В соответствии с действующим законодательством о торговой деятельности передвижные средства торговли, в том числе автомобили и другой транспорт, приравнены по своему статусу к нестационарным торговым объектам. Кроме того, в законодательстве Российской Федерации и законодательстве субъектов Российской Федерации отсутствует единый и общепринятый термин, который бы применялся к указанным правоотношениям.

Отсутствие единой терминологии приводит к тому, что регулирование данной формы торговли осуществляется не комплексно, а однобоко, случается, что нормативные правовые акты, принимаемые для регулирования торговли с использованием транспортных средств, закрепляют различные нормы или противоречат друг другу. Такое положение вещей в российском правовом поле может повлечь за собой нарушение законных прав и свобод граждан, связанных с данной формой торговли.

Анализ тематической литературы, нормативных правовых актов и судебной практики дает основания полагать, что для обозначения данного феномена чаще всего используется слово «торговля» в сочетании с тем или иным прилагательным, отражающим отличительное свойство данного вида торговой деятельности — ее подвижность, мобильность.

Исходя из того, что терминологический аппарат является важной частью любых правоотношений, в том числе и общественных отношений, входящих в предмет исследования, полагаю необходимым рассмотреть некоторые термины, используемые в нормативных актах и научной доктрине, провести их сравнение и определить наиболее подходящий к исследуемым правоотношениям.

Термин «развозная торговля» используется в качестве обозначения торговли с использованием транспортного средства чаще всего. Данный термин употребляется в Федеральном законе от 28.12.2009 N 381-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [1] в пп. 2 п. 2 ст. 8 для обозначения развозной торговли

как разновидности торговли вне стационарных объектов: «Хозяйствующие субъекты, осуществляющие торговую деятельность, при организации торговой деятельности и ее осуществлении, за исключением установленных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами случаев, самостоятельно определяют форму торговли (в стационарных торговых объектах, вне стационарных торговых объектов, в том числе на ярмарках, выставках, развозная торговля, разносная торговля, дистанционный способ продажи товаров, продажа товаров с использованием автоматов и иные формы торговли)».

В «Налоговом кодексе Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 N 117-ФЗ [2] в ст. 346.27 также используется термин развозная торговля и дается ему определение: «развозная торговля — розничная торговля, осуществляемая вне стационарной розничной сети с использованием специализированных или специально оборудованных для торговли транспортных средств, а также мобильного оборудования, применяемого только с транспортным средством. К данному виду торговли относится торговля с использованием автомобиля, автолавки, автомагазина, тонара, автоприцепа, передвижного торгового автомата». В кодексе отдельно указывается, что развозная торговля является разновидностью торговли с использованием нестационарной торговой сети.

Тот же термин используется по отношению к развозной торговле и в п. 73 ГОСТ Р 51303–2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Торговля. Термины и определения» (утв. Приказом Росстандарта от 28.08.2013 N 582-ст) (ред. от 29.03.2016) [3], с той лишь разницей, что в данном нормативном правовом акте развозная торговля называется формой мелкорозничной торговли.

Термин «развозная торговля» используется и в других нормативных правовых актах, в том числе актах органов исполнительной власти, применяющих законодательство об объектах нестационарной торговли.

Другим распространенным термином является термин «мобильная торговля» или его вариация «мобильный торговый объект».

Данное определение используется в Приказе Минпромторга России от 25.12.2014 N 2733 «Об утвер-

ждении Стратегии развития торговли в Российской Федерации на 2015–2016 годы и период до 2020 года» [4], а также дается определение мобильной торговле как торговле с использованием специализированных автомагазинов, автолавок и иных специально оборудованных для осуществления розничной торговли транспортных средств.

В Распоряжении Правительства РФ от 02.02.2015 N 151-р (ред. от 13.01.2017) «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» [5] данный термин используется в контексте необходимых мер для развития торгово-бытовых услуг, оказываемых населению: «В целях расширения торгового и бытового обслуживания населения необходимо ввести упрощенный, прозрачный порядок организации ярмарочной и нестационарной торговли, создавать районные центры ремесел и торговли и развивать мобильную торговлю (через специализированные автомагазины)».

Кроме того, термин «мобильный торговый объект» неоднократно использовался в законопроектах, вносимых в Государственную Думу в целях усовершенствования регулирования торговли с использованием транспортных средств. Так, например, Проект Федерального закона N 601732-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и статью 28 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в части совершенствования правового регулирования организации нестационарной и развозной торговли)» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 05.12.2018) [6], дает следующее определение мобильному торговому объекту: «мобильный торговый объект — торговый объект, представляющий собой транспортное средство, включая механические транспортные средства и транспортные средства, предназначенные для движения в составе с механическими транспортными средствами (в том числе автомобили, автолавки, автомагазины, автоприцепы, автоцистерны, мототранспортные средства), а также велосипеды, специально оснащенное оборудованием, предназначенным и используемым для выкладки, демонстрации товаров, обслуживания покупателей и проведения денежных расчетов с покупателями при продаже товаров, используемое для осуществления развозной торговли».

Еще одним термином, используемым в ряде нормативных правовых актах, является «передвижная торговля».

К примеру, Приказ Росстата от 08.08.2012 N 440 «Об утверждении Методологических рекомендаций по расчету индексов стоимости жизни в отдельных городах Российской Федерации» [7] содержит в себе положения, касающиеся формирования средних потребительских цен для расчета индекса стоимости жизни: «Наблюдение за ценами и тарифами на товары и услуги осуществляется в организациях торговли и сферы услуг,

а также на вещевых, смешанных и продовольственных рынках, как в стационарных торговых заведениях, так и при передвижной торговле».

Еще более необычный пример — Приказ Минкультуры России от 28.06.2017 N 1092 «Об утверждении границ зон охраны объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс церквей Бориса и Глеба в Кидекше», 1152 г. — XVII в («Церковь Бориса и Глеба», 1152 г.), включенного в Список всемирного наследия, а также особых режимов использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах данных зон» [8]. В данном нормативном правовом акте в п. 13.10 приложения № 2 устанавливается, что в Зоне охраняемого природного ландшафта — ЗОЛ-1 запрещается передвижная и стационарная торговля.

Исходя из контекста, предполагается, что под «передвижной торговлей» в данных случаях подразумевается любая торговля с использованием нестационарных торговых объектов (в том числе с использованием палаток, киосков, вендинговых аппаратов и прочее), что еще больше вносит неясности в определение.

Из исследованных нормативных актов выходит, что различные органы и государственные структуры, которые в соответствии со своими служебными полномочиями обязаны в той или иной степени регулировать деятельность предпринимателей, осуществляющих торговую деятельность с использованием транспортных средств, выработали свои термины, описывающие данную деятельность, при этом, разные термины, описывающие, по сути, одни и те же общественные отношения, могут перемешиваться и заменять друг друга. Например, Министерство промышленности и торговли Российской Федерации, которое напрямую занимается развитием торговой деятельности в России, в различных нормативных правовых актах использует разные термины для обозначения торговли с автотранспортных средств.

В упоминавшемся уже Приказе Минпромторга России от 25.12.2014 N 2733 «Об утверждении Стратегии развития торговли в Российской Федерации на 2015–2016 годы и период до 2020 года» [4] используется термин «мобильная торговля», тогда как в «Методических рекомендациях по совершенствованию правового регулирования нестационарной и развозной торговли», разработанных Министерством в рамках реализации этого самого приказа, использует термин «развозная торговля». В пп. ii п. 11 данных рекомендаций использует термин «развозная (мобильная) торговля».

Несмотря на очевидность того, что данные термины тождественны, что подтверждается примером выше, использование их в разном контексте органами государственной власти Российской Федерации, государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления влечет за собой непонимание и правовые коллизии, связанные с тем, что отсутствие единого понятийно-смыслового аппарата в отношении рассматриваемых правоотношений дает возможность наполнять эти термины различным смыслом (например, в от-

ношении рассмотренного выше примера с употреблением термина «передвижная торговля»). Столь низкий уровень юридической техники, при которой создается возможность несоответствия подзаконных актов федеральным законам, законов субъектов Российской Федерации федеральным законам и даже одних федеральных законов другим, не только создает неудобство для законодательного регулирования отрасли, порождает нагромождение противоречащих друг другу позиций, но и нарушает права и законные интересы предпринимателей и потребителей, поскольку вносит путаницу и неразбериху, невозможность для них самостоятельно разобраться в нормативных документах, регламентирующих данную деятельность.

Подытожим и разберем приведенные выше термины.

Необходимо отметить, что отглагольное прилагательное «развозной», предполагает, что с таких торговых объектов исключительно развозится товар, то есть заранее изготовленный на каком-либо предприятии продукт просто перемещается с помощью автофургонов. Данный термин, на взгляд автора, не является удачным, поскольку не отражает суть данного торгового объекта. Исходя из дословного толкования слова «развозной», под торговую деятельность с использованием автофургона, гипотетически, может попасть и деятельность по доставке заранее изготовленного товара потребителю развозным методом, на автомобиле, что будет в корне неверным суждением. Слишком широкое толкование тер-

мина, вызванное неоднозначным употреблением слова «развозной», связанное с его многозначной семантикой, может приводить к ошибочным выводам о характере данного института и природе системы.

Термины «мобильная торговля» и «мобильный торговый объект», хоть и отражают основное свойство «торговли на колесах» — ее мобильность, возможность перемещаться, семантически пересекаются с абсолютно другой, никак не связанной с рассматриваемой сферой правоотношений, деятельностью — торговлей с использованием мобильных устройств (телефонов, планшетов), интернет-технологий (с помощью сайтов, приложений для мобильных телефонов), которую также называют «мобильными продажами». В сущности, создается та же самая ситуация, как при использовании термина «развозная торговля», только в данном случае положение торговой деятельности и общественного питания, использующих автофургоны еще более уязвимое, поскольку термин «мобильная торговля» в отношении торговли с использованием смартфонов и новейших интернет-технологий используется в разы чаще, чем в отношении авто-мобильных кухонь и автолавок.

Представляется, что наиболее удачный из всех рассматриваемых терминов — «передвижная торговля». Он является нейтральным по отношению к формам использования транспортного средства в торговой деятельности и общественного питания, вместе с тем, отличительная функция перемещения торгового объекта в нем отражена.

Литература:

1. Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» от 28.12.2009 N 381-ФЗ//Консультант Плюс [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95629 (дата обращения: 11.06.2021)
2. Налоговый кодекс Российской Федерации часть 2 (НК РФ ч. 2)//Консультант Плюс [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165 (дата обращения: 11.06.2021)
3. ГОСТ Р 51303–2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Торговля. Термины и определения» (утв. Приказом Росстандарта от 28.08.2013 N 582-ст) (ред. от 29.03.2016)//Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200108793> (дата обращения 11.06.2021)
4. Приказ Минпромторга России от 25.12.2014 N 2733 «Об утверждении Стратегии развития торговли в Российской Федерации на 2015–2016 годы и период до 2020 года»//Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/420244435> (дата обращения: 11.06.2021)
5. Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 N 151-р (ред. от 13.01.2017) «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года»//Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/420251273> (дата обращения: 11.06.2021)
6. Проект Федерального закона N 601732–7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и статью 28 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в части совершенствования правового регулирования организации нестационарной и развозной торговли)» //СОЗД [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/601732-7> (дата обращения 11.06.2021)
7. Приказ Росстата от 08.08.2012 N 440 «Об утверждении Методологических рекомендаций по расчету индексов стоимости жизни в отдельных городах Российской Федерации»//Консультант Плюс [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134523/8aaafc8edd0f6a5decd08bd6622fa1543fe126b2/ (дата обращения 11.06.2021)

8. Приказ Минкультуры России от 28.06.2017 N 1092 «Об утверждении границ зон охраны объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс церквей Бориса и Глеба в Кидекше», 1152 г. — XVII в («Церковь Бориса и Глеба», 1152 г.), включенного в Список всемирного наследия, а также особых режимов использования земель и требований к градостроительным регламентам в границах данных зон» (Зарегистрировано в Минюсте России 20.07.2017 N 47468)//Консультант Плюс [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220735/

К вопросу о понятии «корпоративный контроль» в российском праве

Катаева Анна Марковна, выпускник

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В нормативных правовых актах на данный момент отсутствует определение понятия «корпоративный контроль», при этом данное понятие встречается в судебной практике [2] в рамках защиты права на утраченные акции и доли, а также в научной литературе. В связи с отсутствием единого законодательного определения считаю важным рассмотреть вопрос, касающийся проблемы формирования понятия «корпоративный контроль» в российском праве.

Сам термин «контроль» в научной литературе трактуется неоднозначно.

В континентальной системе права он чаще отождествляется с проверкой, надзором. В странах общего права под контролем обычно понимается возможность лица принуждать другое лицо к определенной деятельности, «власть, господство, а не простое влияние на деятельность хозяйственного общества» [10, с. 296].

Свое определение корпоративному контролю было дано разными специалистами в области юриспруденции.

По мнению О. В. Осипенко, понятие корпоративного контроля предполагает определение корпоративных решений лицом, которое имеет юридические гарантии или возможности подготовки, принятия и исполнения корпоративных решений. Существо корпоративного контроля составляют акты органов управления [11, с. 16].

Как отмечает Е. П. Губин [9], корпоративный контроль является акционерным (возможность принятия или отклонения акционерами, имеющими необходимое количество голосов тех или иных решений), управленческим (возможность лиц обеспечивать управление хозяйственной деятельностью предприятия, преемственность управленческих решений и структуры) и финансовым (возможность влиять на решения акционерного общества путем использования финансовых инструментов и специальных средств), каждый из которых может быть представлен разными категориями юридических лиц и физических лиц.

Д. И. Степанов различает понятия «контроль над корпорацией» и «корпоративный контроль», и при этом отмечает, что «контроль над корпорацией» более широкое понятие, чем термин «корпоративный контроль» [12,

с. 142–206]. По мнению данного автора корпоративный контроль представляет собой возможность (фактическую или юридическую) навязывать свою волю, оказывать влияние на корпорацию и на те решения, которые принимаются ее органами, которой по общему правилу обладают акционеры, участники хозяйственного общества, но не менеджеры или кредиторы, чье определяющее влияние однако в исключительных случаях также допускается.

И. С. Шиткина разделяет понятия «корпоративный контроль», «экономический контроль» и «фактический контроль».

Под корпоративным контролем она понимает «способность определять решения корпорации в силу участия в ее уставном капитале».

Фактический контроль обозначается ей как разновидность экономического контроля, особенностью которого является отсутствие определенных законом оснований установления подавляющего влияния одного лица на другое. Признаками фактического контроля являются факты косвенного участия в юридическом лице (через цепочку иных лиц или номинальных держателей), а также возможность управлять и определять решения юридического лица иным образом.

Экономический контроль, как наиболее широкое понятие, И. С. Шиткина связывает не только с наличием доли в уставном капитале, но и с иными обстоятельствами, например, с заключенным между акционерами и кредиторами в соответствии с пунктом 9 статьи 67.2 Гражданского Кодекса Российской Федерации (Далее — «ГК РФ») «квазикорпоративным договором» и даже с хозяйственными договорами, позволяющими одной стороне определять решения другой стороны.

Интересную точку зрения высказывает А. О. Шиткин [13]. По его мнению, под корпоративным контролем следует понимать «фактическую или юридическую возможность лица определять волеизъявление корпорации в соответствии с волей и интересами такого лица, при этом волеизъявление самой корпорации перестает быть самостоятельным, а обычный процесс волеобразования и волеизъявления в корпорации нарушается, происходит

вмешательство в компетенцию органов управления корпорации».

Также в литературе высказано мнение о наличии внешнего и внутреннего корпоративного контроля [8]. Внешний корпоративный контроль — контроль, осуществляемый акционерами/участниками при взаимодействии между собой и с корпорацией, а внутренний контроль — контроль, обеспечивающий права акционеров/участников с помощью рычагов управления хозяйственным обществом и осуществления внутренних процедур.

При этом к инструментам внутреннего корпоративного контроля отнесены надзор совета директоров за управлением юридическим лицом высшим менеджментом, контроль за деятельностью юридического лица подразделениями, осуществляющими управление рисками, внутренний контроль и внутренний аудит и др.

На мой взгляд, введение понятия внутреннего корпоративного контроля вполне обоснованно, т. к. его наличие прямо следует из статьи 67.1 ГК РФ, которая к такому контролю относит, например, проверку и подтверждение правильности бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Однако в рамках данной рассматривается только «внешний» корпоративный контроль, как категория наиболее сложная и неоднозначная.

Проанализировав позиции различных авторов по данному вопросу, могу отметить, что все они связывают понятие корпоративного контроля с «возможность лица влиять на волеизъявление корпорации», однако мнения расходятся в определении того самого лица, у которого есть такая возможность.

Можно выделить три основных позиции по вопросу понимания корпоративного контроля через его субъект (лицо, которое осуществляет корпоративный контроль) и основания возникновения (обстоятельства, при наличии которых субъект может осуществлять корпоративный контроль):

1. Корпоративным контролем обладают только акционеры/участники корпорации на основании участия (членства) в корпорации (независимо от количества акций/размера доли).

2. Корпоративным контролем обладают акционеры/участники корпорации, отдельные органы юридического лица, кредиторы, иные лица (например, конечные бенефициары) на основании участия (членства) в корпорации, наличия договора, определенных фактических обстоятельств (например, конечные бенефициары).

3. Корпоративным контролем обладают только лица, способные определять волеизъявление корпорации в соответствии со своей волей и своими интересами (например, участники корпорации, обладающие преобладающим количеством голосов, или иные лица, фактически контролирующие корпорацию) на основании различных юридических и фактических обстоятельств.

Обратимся к позиции, согласно которой субъектами корпоративного контроля являются акционеры/участники корпорации. Все они способны оказывать влияние на деятельность корпорации, однако степень

этого влияния различна. В связи с этим некоторые авторы выделяют степени корпоративного контроля: от минимального корпоративного контроля, включающего в себя корпоративные права, перечисленные в статье 67 ГК РФ, которые имеет любой участник корпорации до абсолютного контроля, при котором стопроцентная доля уставного капитала принадлежит одному лицу. Здесь же можно обобщенно говорить о миноритарном и мажоритарном корпоративном контроле.

Законодатель в каком-то смысле сам определяет «пороговые значения» для разных степеней контроля. Можно выделить следующие из них (на примере акционерного общества):

- блокирующий контроль (от 25%+1 до 50% акций). Предусматривает решающее значение при принятии решений общего собрания акционеров по вопросам, требующим одобрения не менее чем 3/4 голосов.
- простое большинство (от 50%+1 до 75% акций). Предусматривает право на принятие по своему усмотрению всех решений, входящих в компетенцию общего собрания акционеров, за исключением вопросов, предусмотренных подпунктами 1–3, 5, 16, 17 и 19.2 пункта 1 статьи 48 Федерального Закона «Об акционерных обществах» [1].
- квалифицированное большинство (от 75%+1 до 100% акций). Дает акционеру право принятия решений фактически по любым вопросам деятельности корпорации.
- абсолютный корпоративный контроль (100% акций).

В последнее время особую актуальность приобрел вопрос о защите прав участников корпораций. Необходимость обеспечения такой защиты вызвана нарушением корпоративных прав вследствие неправомерного захвата долей или акций хозяйственных обществ. Был выработан новый способ защиты нарушенных прав участников корпораций — восстановление корпоративного контроля.

Изначально такая категория, как «восстановление корпоративного контроля», появилась в ряде постановлений Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации [2, 3]. Затем она была воспринята законодателем, и пунктом 3 статьи 65.2 ГК РФ была установлена новая юридическая конструкция, предназначенная для защиты корпоративных прав.

Согласно данному подходу, право на восстановление корпоративного контроля не зависит от размера доли/количества акций. Даже участник с минимальной долей участия вправе обратиться в суд с требованием о восстановлении корпоративного контроля¹. При рассмотрении

¹ При этом суд может отказать в возвращении доли участия, если это приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативные социальные и другие публично значимые последствия. В этом случае лицу, утратившему помимо своей воли права участия в корпорации, лицами, виновными в утрате доли участия, выплачивается справедливая компенсация, определяемая судом (пункт 3 статьи 65.2 Гражданского Кодекса Российской Федерации)

данной категории дел истцу, по сути, необходимо доказать два обстоятельства: что у него были доли участия (акции) в корпорации и что они были им неправомерно утрачены в отсутствие его надлежащего волеизъявления.

Так в деле N А27-26447/2015 [5] арбитражный суд удовлетворил требования истцов о признании за ними права собственности на доли в размере 12,56% и в размере 4,42% в уставном капитале Общества с ограниченной ответственностью «Кузбассавторитейл».

Однако, на мой взгляд, это не означает, что корпоративный контроль есть у каждого участника (акционера) обществ, а использование термина «восстановление корпоративного контроля» для указанного в пункте 3 статьи 65.2 ГК РФ способа защиты гражданских прав является не совсем корректным.

Более верной представляется позиция, согласно которой корпоративным контролем обладают только лица, способные определять волеизъявление корпорации в соответствии со своей волей (оказывать решающие воздействия на принятие решений по вопросам управления и деятельности корпорации, на избрание органов юридического лица и т. д.).

При этом наличие доли участия, предоставляющей лицу (прямо или косвенно) преобладающее большинство голосов, является лишь одним из оснований для возникновения корпоративного контроля, т. е. контролирующим лицом может быть не только участник корпорации.

При опосредованном осуществлении возможность определять волеизъявление корпорации представляет собой совокупность фактических действий, содержание которых будет зависеть от структуры связей между подконтрольной корпорацией и контролирующим лицом.

Структура связей между ними может быть простой: корпорация «А» на 80% принадлежит корпорации «Б», которая в свою очередь на 100% принадлежит физическому лицу «С». В данном случае корпоративным контролем фактически будет обладать физическое лицо «С».

В более сложных структурах между корпорацией и контролирующим лицом может находиться множество юридических лиц (в т. ч. в разных юрисдикциях), а конечное юридическое лицо может принадлежать номинальному акционеру или доверительному управляющему.

Содержание фактических и юридических возможностей при этом определяется тем, осуществляет ли контролирующее лицо корпоративные права непосредственно или опосредованно.

К юридическим основаниям возникновения корпоративного контроля можно отнести и договор (например, «квазикорпоративный»). При этом корпоративный контроль осуществляется путем реализации юридических возможностей (голосование на общем собрании участников, осуществление субъективного права по договору).

А. Берли, американский исследователь в области корпоративного права, одним из первых обратил внимание, что существует также контроль со стороны менеджмента, который наблюдается в случае отсутствия корпоративного контроля со стороны акционеров [6].

На мой взгляд, можно говорить о корпоративном контроле и на основании фактических обстоятельств, когда какое-либо правовое отношение между контролирующим лицом и подконтрольной корпорацией отсутствует.

Осуществляется такой корпоративный контроль путем совершения фактических действий (выдаче указаний участникам подконтрольной корпорации или лицу, осуществляющему функции единоличного исполнительного органа).

Основания для его возникновения могут быть различными: родственные отношения, принуждение и т. д. Объединяет их то, что участники корпорации или ее единоличный исполнительный орган начинают транслировать волю третьего лица по отношению к корпорации, хотя юридически не обязаны это делать.

Проанализировав подходы к определению понятия корпоративного контроля хотелось бы также затронуть вопрос о правовых последствиях его возникновения, потому что именно они приводят к спорам, связанным с корпоративным контролем.

Так как контролирующее лицо способно оказывать определяющее влияние на деятельность корпорации, не исключены случаи, когда это лицо будет злоупотреблять своим положением. В качестве примеров такого злоупотребления можно назвать: непропорциональное распределение прибыли, ведение деятельности корпорации в интересах контролирующего лица (а не в интересах самой корпорации), недобросовестная реорганизация корпорации, иные ущемления интересов миноритариев и так далее.

Злоупотребление корпоративным контролем может порождать риск возникновения неблагоприятных имущественных последствий и для кредиторов корпорации, так как контролирующее лицо не отвечает по обязательствам корпорации в силу принципа ограниченной ответственности.

Таким образом, в результате злоупотребления со стороны контролирующего лица могут пострадать интересы других участников (акционеров), самой корпорации, кредиторов.

Одним из способов устранения негативных последствий такого злоупотребления можно назвать механизмы привлечения к ответственности контролирующего лица.

Законодатель предусмотрел ответственность лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица (пунктом 3 статьи 53.1 ГК РФ). Он установил положения пункта 3 статьи 67.3 ГК РФ, в соответствии с которыми участники (акционеры) дочернего общества вправе требовать возмещения основным обществом убытков, причиненных его действиями или бездействием дочернему обществу и положения пункта 2 статьи 67.3 ГК РФ, предусматривающие обязанность основного общества отвечать солидарно с дочерним обществом по сделкам, заключенным

последним во исполнение указаний или с согласия основного общества.

И наконец, в судебной практике и юридической литературе делаются попытки применения «концепции снятия корпоративной вуали» в российских реалиях, суть которой состоит в распространении ответственности должника перед кредиторами на его учредителей, там, где такая ответственность ограничена независимостью и автономностью должника как юридического лица [15].

Вышеуказанные механизмы сами по себе могут являться предметом отдельного исследования и затронуты

мною лишь с целью обозначения их взаимосвязи с корпоративным контролем.

Таким образом, вопросом о том, что такое корпоративный контроль и как он регулируется нормами правами, исследовался в определенной степени различными учеными-юристами, однако однозначного мнения на этот счет не сложилось. При этом точное определение понятия и роли корпоративного контроля в деятельности акционерных обществ могло бы помочь акционерам в их деятельности, а также юристам, практикующим в сфере корпоративного права.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об акционерных обществах»
2. Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 03 июня 2008 № 1176/08
3. Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10 июня 2008 № 5539/08
4. Определение судебной коллегии по делам об экономических спорах ВС РФ от 07.04.2017 № 309-ЭС14-923;
5. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2017 N 07АП-7087/2016 по делу N А27-26447/2015
6. Berle A. A. Control in Corporate Law // Columbia Law Review. — 1958. — № 58.
7. Батыршина, К. А. Применение доктрины «снятия корпоративной вуали» в условиях российского права / К. А. Батыршина // Юрист. — 2015. — № 24. — С. 41–46.
8. Вильданова М. М. Содержание и инструменты корпоративного контроля в современном российском праве («Журнал российского права», 2020, N 5)
9. Губин Е. П. Государство и бизнес в условиях правовых реформ // Журнал российского права. 2015. № 1.
10. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. — М.: Статут, 2008.
11. Осипенко О. В. Корпоративный контроль: Экспертные проблемы эффективного управления дочерними компаниями. Книга первая: Установление корпоративного контроля. — М.: Статут, 2013.
12. Степанов Д. И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. — 2009. — № 3.
13. Шиткин А. О. Корпоративный контроль по праву России и США: понятие, основания и правовые последствия возникновения — диссертация на соискание ученой степени к. ю. н. 12.00.03 — Москва 2020.
14. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. — М.: Статут, 2018. Т. 2. — 990 с. СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 N 16404/11 по делу N А40-21127/11-98-184

Понятие, причины возникновения дедлока в непубличном обществе и способы его предупреждения

Кашуба Виктор Николаевич, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермский филиал

В статье рассматриваются подходы к пониманию дедлока в судебной практике. Исследованы основные предпосылки к возникновению дедлока в непубличном хозяйственном обществе. Представлен анализ правовых способов предупреждения ситуации дедлока в непубличном обществе. Рассматриваются положения устава и корпоративного договора, использование которых позволяет снизить риски возникновения тупиковой ситуации в обществе.

Ключевые слова: дедлок, тупиковая ситуация, корпоративный договор, устав, непропорциональное голосование.

Российский законодатель не дает прямого определения ситуации дедлока ни в Гражданском кодексе, ни в законах «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». В связи с этим, представляется целесообразным обратиться к судебной практике.

В судебной практике были сформированы следующие подходы к определению тупика в управлении. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» характеризует ситуацию дедлока следующим образом.

Согласно п. 29 Постановления, к ним можно отнести ситуацию в обществе, когда «иные учредители (участники) юридического лица уклоняются от участия в нем (общем собрании), делая невозможным принятие решений в связи с отсутствием кворума, в результате чего становится невозможным достижение целей, ради которых создано юридическое лицо, в том числе, если осуществление деятельности юридического лица становится невозможным или существенно затрудняется, в частности ввиду длительной невозможности сформировать органы юридического лица» [1].

Арбитражный суд Северо-Кавказского округа указывает на дедлок следующим образом: «Наличие в обществе корпоративного конфликта, делающего невозможным ведение совместной деятельности участниками в целом» [2]. В данном деле рассматривалась ситуация, когда участие в корпорации было паритетным: два участника с долей в 50 процентов, то есть, классический дедлок.

Аналогичный подход был высказан в одном из дел, рассмотренном Арбитражным судом Удмуртской республики: «Иное осуществление финансирование деятельности должника, с учетом установленных обстоятельств по настоящему делу, было ограничено, в том числе ввиду внутренних действий самих участников ООО «Сигма», наличия между ними затяжного корпоративного конфликта, наличия равного количества голосов, что периодически приводило к ситуации «дедлока» при разрешении существенных вопросов руководства в обществе» [3].

Также в данном судебном акте было указано на основное последствие дедлока: «наличие непреодолимых разногласий в вопросах управления обществом и невозможность продолжения такого управления на корпоративных началах, что очевидно препятствует осуществлению обществом нормальной хозяйственной деятельности для достижения целей, ради которых оно создано». Таким образом, возникновение ситуации тупика в управлении сопряжено с рисками невозможности дальнейшей деятельности общества.

Арбитражный суд города Москвы охарактеризовал дедлок следующим образом: «Корпоративный конфликт, не позволяющий с учетом соотношения долей участников общества принимать необходимые корпоративные решения, осуществлять нормальную хозяйственную деятельность» [4]. По нашему мнению, данное определение наиболее точно отражает основные признаки дедлока.

Такой подход также соответствует позиции ученых. Д. И. Степанов характеризует дедлок следующим образом: «состояние, при котором участники корпорации не могут достичь соглашения по вопросам, связанным с участием в управлении ее делами и носящими принципиальный характер» [5, с. 7].

Далее полагаем необходимым рассмотреть основные предпосылки к возникновению тупиковой ситуации в непубличном обществе. По нашему мнению, следующие признаки имеют решающее значение для возникновения ситуации дедлока: паритетное (близкое к паритетному) распределение контроля в обществе и высокие поро-

говые значения участия в уставном капитале для принятия решений.

Как отмечает Е. В. Глухов, наиболее высоки риски тупика в управлении в тех корпорациях, где участие в уставном капитале распределено равным образом, наиболее типичный пример — два участника с долями по 50 процентов [6, с. 306]. Отметим, что данное явление в целом характерно для российских непубличных обществ в силу укрупненной структуры собственности.

Это связывают с тем, что в таких корпорациях, как правило, установлены высокие пороговые значения для принятия управленческих решений: многие решения требуют единогласного одобрения участников. В таком случае, при условии расхождения мнений, необходимое решение может быть не принято. Д. И. Степанов полагает, что это связано с тем, что при создании корпорации учредители высоко оценивают взаимное доверие, однако впоследствии сочетание высоких пороговых значений для принятия решений и паритетный контроль над обществом могут способствовать эскалации корпоративного конфликта [5, с. 4]. Рано или поздно, у участников корпорации появляется собственное видение развития корпорации, свои методы достижения целей деятельности корпорации [7, с. 149].

Такое объяснение находит свое отражение и в судебных актах. 20 ААС подчеркнул роль высоких пороговых значений для принятия решений в эскалации корпоративного конфликта. Суд указал: «Неспособность участников общества ни разрешить корпоративный конфликт, ни преодолеть количеством собственных голосов волеизъявление конкурирующего участника или их группы, в ситуации, по вопросам, отнесенным к компетенции собрания, предусматривает единогласное голосование или принятия решения $\frac{3}{4}$ от общего числа голосов участников общества, позволяет сторонам корпоративного конфликта полностью блокировать инициативы друг друга» [8]. Таким образом, данные признаки действительно являются предопределяющим для развития дедлока в обществе.

Несмотря на то, что в российском корпоративном праве предусмотрены некоторые способы преодоления дедлока ex-post, более эффективным представляется разработать способы, снижающие риски возникновения таких ситуаций. Предупреждение дедлока является важной мерой, которая позволяет снизить риски того, что в будущем общество столкнется с неразрешимым конфликтом. В силу этого, представляется важным проанализировать, какие способы предупреждения дедлока предусмотрены российским правом.

В первую очередь, положения, снижающие соответствующие риски, может содержать корпоративный договор. Так, правовое регулирование деятельности непубличных корпораций характеризуется большим уровнем диспозитивности. В связи с этим, многие авторы полагают, что инструментарий, предлагаемый корпоративным договором, предоставит определенную защиту для общества [9, с. 176].

В силу п. 1 ст. 67.2 ГК РФ, участники хозяйственного общества или некоторые из них вправе заключить между собой корпоративный договор об осуществлении своих корпоративных прав (договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, акционерное соглашение), в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств [10].

В специальных законах корпоративный договор указан как акционерное соглашение (ст. 32.1 Закона об АО), договор об осуществлении прав участников (п. 3 ст. 8 Закона об ООО). В целом, их правовое регулирование является схожим, за исключением того, что договор об осуществлении прав участников может предусматривать включение в число его участников третьих лиц. Акционерное соглашение не позволяет этого сделать [11, с. 37]. Между тем, на наш взгляд, это не является препятствием для использования корпоративного договора в качестве способа преодоления дедлока.

Таким образом, корпоративным договором возможно закрепить обязанность голосовать определенным образом; приобрести или передать долю при наступлении определенных обстоятельств, согласованно осуществлять действия по управлению обществом [12, с. 179]. Данные условия составляют предмет корпоративного договора.

Субъектами корпоративного договора могут быть все или несколько участников общества. Само общество участником корпоративного договора быть не может, как следует из п. 1 ст. 67.2 ГК РФ. Также возможно заключение такого договора с кредиторами или иными заинтересованными третьими лицами для обеспечения соблюдения их прав (п. 8 ст. 67.2 ГК РФ).

Считаем необходимым обратить на некоторые аспекты, важные для понимания правового регулирования корпоративного договора. Так, корпоративный договор не может определять структуру органов корпорации и их компетенцию в силу императивного предписания закона. По всей видимости, это связано с тем, что контрагенты общества и иные третьи лица в отношениях с ним руководствуются уставом.

Вместе с тем корпоративный договор может предусматривать обязанность его сторон по голосованию за изменение такой структуры и компетенции органов, если это допустимо, согласно уставу общества (п. 2 ст. 67.2 ГК РФ). Также существуют способы для защиты прав субъектов корпоративного договора. Так, решение хозяйственного органа может быть признано недействительным в случае, если участниками корпоративного договора являются все участники общества (п. 4 ст. 67.2 ГК РФ). Кроме того,

по общему правилу, содержание корпоративного договора конфиденциально. Участники непубличного общества обязаны раскрыть факт заключения корпоративного договора, но не его содержание.

Таким образом, инструментарий, предоставляемый корпоративным договором, возможно использовать для противодействия возникновению тупика в управлении.

Наиболее важным вопросом в данном контексте является определение ситуации дедлока на уровне корпоративного договора. Так, большинство ученых сходятся во мнении, что положения корпоративного договора могут предусматривать определение ситуации дедлока [13, с. 118]. Без понимания того, что считается дедлоком, невозможно предусмотреть эффективные способы противодействия ему.

Данный вопрос нельзя полностью отдавать на усмотрение закона или суда. Никакой юрисдикционный орган не может и не должен в полной мере погружаться в сугубо коммерческую специфику деятельности того или иного общества. Задачей закона и суда в таком случае является лишь определение общих ориентиров, по которым стоит распознавать дедлок. В то же время, участники общества, как никто другой, знают реализуемую ими бизнес-модель. Они же в большей степени осознают, какие последствия повлечет принятие того или иного решения. Таким образом, самым важным моментом в выстраивании системы противодействия дедлоку является самостоятельное определение ситуации дедлока в обществе.

Таким образом, участники общества должны обладать возможностью самостоятельно определить, какой набор тех или иных признаков они считают дедлоком. Соответственно, запустить механизмы для его преодоления в случае обнаружения данных признаков. Положение о дедлоке может предусматривать, что тупиковой ситуацией является ситуация, при которой «в ходе двух общих собраний (заседаниях коллегиального исполнительного органа) подряд не было принято решение по вопросам повестки дня, указанное в приложении X» [6, с. 304]. Количество общих собраний, на которых не принято решение, должно находиться в зависимости от конкретного вопроса повестки дня. В связи с этим следует разработать приложение, которое систематизировало бы различные вопросы повестки дня, сообразно их важности для продолжения деятельности общества.

Также представляется важным закрепить порядок определения момента возникновения дедлока, поскольку от него зависит применение конкретных механизмов преодоления. Например, моментом возникновения тупиковой ситуации возможно признавать дату проведения общего собрания, после которого, согласно принятому в корпоративном договоре определению дедлока, возникает тупик [6, с. 305].

Что касается конкретных способов преодоления дедлока, закрепленных в корпоративном договоре, отметим следующее. Д. И. Степанов полагает, что такое возможно, однако если судебный порядок разрешения дедлока пред-

усматривает определенный порог участия для предъявления иска, то участники корпоративного договора должны обладать данным процентом участия. Например, при указании в корпоративном договоре на основании исключения участника, участники общества должны обладать совокупным участием в уставном капитале в 10 процентов (ст. 10 Закона об ООО) [5, с. 10]. Мы полагаем, что это не является барьером в силу уже упомянутой укрупненной структуры собственности, присущей российским корпорациям.

Практика включения подобных положений в корпоративный договор подтверждается и примерами из судебных актов. Так, в одном из дел, рассмотренных 9 ААС, участники ООО заключили договор, которым предусматривалась категория «существенное разногласие». По своему содержанию такое разногласие представляло собой недостижение согласия по определенному вопросу на общем собрании — собственно, дедлок. Также положения договора предусматривали обязательные процедуры медиации перед обращением в суд с иском [14]. Суд в данном деле не нашел данные положения противоречащими закону.

Рассмотрим те положения корпоративного договора, которые позволяют минимизировать риски возникновения дедлока. Они детально проанализированы Е. В. Глуховым.

Так, указывается, что каждый из участников, в силу корпоративного договора должен иметь возможность самостоятельно принимать решения по определенным бизнес-вопросам. Например, один участник отвечает за руководство производственной деятельностью и поставки, а другой — за обеспечение общества финансированием и ведение судебных процессов. Круг таких вопросов, переданных в ведение одного из участников, возможно определять по наличию специальных знаний и опыта [6, с. 307].

Данное предложение, как нам представляется, возможно реализовать путем применения непропорционального голосования. Согласно п. 1 ст. 32 Закона «Об ООО», уставом общества при его учреждении или путем внесения в устав общества изменений по решению общего собрания участников общества, принятому всеми участниками общества единогласно, может быть установлен иной порядок определения числа голосов участников общества [15].

Применение данных положений закона поддерживается и судебной практикой. Так, АС Дальневосточного округа указал, что это возможно, поскольку природа хозяйственных обществ характеризуется как основанная на саморегулировании и высокой степени диспозитивного регулирования [16].

Таким образом, по ряду вопросов представляется возможным установить иной порядок определения числа голосов участников. Это позволит распределить голоса при определенной повестке дня общего собрания, что снижает риски возникновения тупиковой ситуации.

Продолжая эту логику, следует снизить количество решений, принимаемых коллегиальным органом едино-

гласно. Такой подход стоит распространить как на общее собрание участников, так и на органы, производные от него (совет директоров и т. д.) [6, с. 307].

По нашему мнению, следует согласиться с предложенным подходом. Так, подобные положения корпоративного договора позволят существенно снизить риски возникновения тупиковой ситуации, поскольку круг решений, когда возможна взаимная блокировка решения, сужается. Вместе с тем, распределение различных вопросов хозяйственной деятельности общества между участниками может быть опасно с точки зрения ведения экономической деятельности. Так, существуют риски оппортунистического поведения со стороны одного из участников. Например, стратегия одного из партнеров по отказу от привлечения дополнительного финансирования может не совпадать с планами другого участника по увеличению производственных мощностей. В таком случае не возникает ситуации дедлока, в то же время, обособленно принятые решения по разным (однако взаимосвязанным) вопросам деятельности корпорации может привести к снижению финансовых показателей общества. Между тем, с точки зрения превенции дедлока предложенные положения корпоративного договора, безусловно, эффективны.

Во-вторых, необходимо определить структуру и компетенцию органов, производных от общего собрания, с целью предотвращения дедлока на этом уровне. Разумеется, корпоративный договор не может определять структуру и компетенцию органов управления обществом, однако может обязать участников договора проголосовать за соответствующие изменения. Так, в коллегиальный орган управления, совет директоров, следует избирать одного независимого директора, который, в отсутствие аффилированности с одним из участников, не будет блокировать принятие решения, выгодного только одному из участников. Также в коллегиальном органе предлагается предусмотреть право решающего голоса для председателя совета директоров. При наличии такой возможности председатель сможет принять решение при равенстве голосов, таким образом, не допуская ситуацию дедлока. Если в обществе присутствует только единоличный исполнительный орган, предлагается предоставить ему возможность принимать некоторые решения по текущим вопросам деятельности корпорации самостоятельно [6, с. 307–308].

Предлагаем проанализировать данные предложения. Представляется, что подобные положения позволят эффективно предупредить возникновение дедлока на уровне совета директоров. Однако выделим некоторые дискуссионные вопросы. Так, возможны злоупотребления со стороны того директора (если речь идет о совете директоров), который был номинирован одним из участников. Вероятно, это можно предупредить ежегодной ротацией права на предложение кандидатур директора, однако даже за первый год директор сможет нанести непоправимый ущерб корпорации [6, с. 309].

Таким образом, приведенные выше положения корпоративного договора позволят минимизировать риски возникновения дедлока при добросовестности участников общества, то есть, когда дедлок возникает по причине разных взглядов на развитие бизнеса и не был инициирован с намерением заблокировать деятельность общества.

Когда есть риски намеренного создания тупика в управлении со стороны одного из участников, возможно предусмотреть положение о запрете на создание такой ситуации. Положение о таком запрете будет предусматривать признаки дедлока, с указанием на умысел на его создание [6, с. 313]. Вместе с тем, на наш взгляд, доказать умысел на создание такой ситуации практически невозможно. Так, злоупотребляющий участник может обосновать свои действия иным взглядом на управление обществом. Оценить же его поведение на предмет добросовестности в судебном порядке не представляется возможным, поскольку судом исследуются вопросы права. Зачастую суды отказываются от анализа экономической стороны принимаемых в обществе решений. Вместе с тем, следует заметить, что несмотря на сложность практической реализации мер ответственности за нарушение обязанности не создавать дедлок, подобные положения могут иметь превентивный эффект.

С этим соглашается и Д. И. Степанов, рассматривая общую норму ответственности участника общества в виде возмещения убытков при создании ситуации дедлока. Так, он отмечает, что риски выплаты крупной денежной компенсации другим участникам будут удерживать лицо, намеренно создающее тупиковую ситуацию, от подобного поведения [5, с. 77].

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда № 25 от 23.06.2015 О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс»
2. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.09.2019 по делу № А32–48122/2018 // СПС «Консультант Плюс»
3. Определение Арбитражного суда Удмуртской республики от 23.04.2019 по делу № А71–5540/2018 // СПС «Консультант Плюс»
4. Постановление Арбитражного суда города Москвы от 05.12.2017 по делу № А40–113463/17 // СПС «Консультант Плюс»
5. Степанов Д. И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 9. 135 С.
6. Глухов Е. В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. М.: М-Логос, 2017. 672 С.
7. Богачева Е. Л. Сущность, причины и виды корпоративных конфликтов в акционерных обществах // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2. С. 147–152.
8. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.02.2021 по делу № А54–5100/2018 // СПС «Консультант Плюс».
9. Рузлев А. И., Савельева О. Е. Способы разрешения дедлоков в рамках корпоративного договора // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 4. С. 174–177.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
11. Гришаев С. П. Корпоративный договор // Гражданин и право. 2015. № 6. С. 37–45.
12. Исупова Л. К. Предмет корпоративного договора. Соотношение устава и корпоративного договора // Novaum.ru. 2018. № 15. С. 178–180.

Таким образом, корпоративный договор и устав могут содержать эффективные инструменты для предупреждения ситуации тупика в управлении. Резюмируя, выделим основные выводы. Во-первых, участникам общества следует определить понятие и признаки дедлока, порядок определения момента его возникновения. Это связано с тем, что участники обладают большей осведомленностью о последствиях непринятия того или иного решения. В дальнейшем это позволит своевременно выявить тупик в управлении, а также эффективно применить способы его преодоления.

Во-вторых, возможно использовать механизм непропорционального голосования по отдельным вопросам, касающимся управления обществом. Также представляется целесообразным снизить количество решений, принятие которых требует единогласного одобрения участниками.

В-третьих, генеральному директору предлагается самостоятельно принимать решения по некоторым вопросам текущей деятельности общества. Если в обществе присутствует совет директоров, следует предусмотреть право решающего голоса для его председателя. Кроме того, один из директоров должен быть независимым.

В-четвертых, положения корпоративного договора могут предусматривать ответственность за умышленное создание тупика в управлении. Данные положения, предусматривая негативные имущественные последствия для нарушителя, могут сдерживать участников корпорации от подобных злоупотреблений.

Разумеется, полностью исключить риски возникновения дедлока невозможно, однако, представляется, данные положения дадут корпорации необходимый минимум защиты, достаточный в большинстве случаев.

13. Рузакова О. А., Рузаков А. Б. Особенности корпоративных договоров в российском праве // Государственный аудит. Право. Экономика. 2015. № 2. С. 115–119.
14. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.09.2014 по делу № А40–25934/2014 // СПС «Консультант Плюс».
15. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «Консультант Плюс».
16. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 04.07.2019 по делу № А51–20462/2016 // СПС «Консультант Плюс».

Понятие и значение антимонопольного комплаенса

Кудряшова Наталия Сергеевна, выпускник

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Комплаенс является частью нынешних реалий в управлении компанией или учреждением. COMPLIANCE-контроль, в применимости к сфере антимонопольного регулирования видится важным и необходимым для отдельных участников гражданского оборота внутри государства. Однако Российская Федерация обладает определенными особенностями внедрения системы комплаенс-контроля в сферы функционирования хозяйствующих субъектов. Значение антимонопольного комплаенс-контроля значимо для поддержания позитивного правового поля внутри государства и для снижения административных и уголовных дел, связанных с антимонопольным законодательством.

Ключевые слова: комплаенс, комплаенс-контроль, антимонопольный комплаенс, антимонопольное законодательство, государственное регулирование, Федеральная антимонопольная служба, ФАС России.

The concept and meaning of antitrust compliance

Compliance is part of the current realities of running a company or institution. Compliance control, in its applicability to the field of antimonopoly regulation, is seen as important and necessary for individual participants in civil turnover within the state. However, the Russian Federation has certain features of the implementation of the compliance control system in the areas of functioning of economic entities. The importance of antimonopoly compliance control is significant for maintaining a positive legal framework within the state and for reducing administrative and criminal cases related to antimonopoly legislation.

Keywords: compliance, compliance control, antimonopoly compliance, antimonopoly legislation, government regulation, Federal Antimonopoly Service.

С начала XXI века во многих отраслях бизнеса стал широко применяться на практике так называемый «комплаенс» (от англ. compliance — соблюдение). Термин «комплаенс» определяется как следование каким-либо правилам, требованиям и/или нормам. Таким образом, комплаенс — это комплекс мер по соблюдению внутренних и внешних правил.

С исторической точки зрения комплаенс возник в XX веке в США с момента создания Агентства Министерства здравоохранения и социальных служб США [2], в рамках своей работы оно создало ряд правил в сфере пищевой и фармацевтической промышленности. Впоследствии Агентство стало регулятором на рынке Соединенных Штатов Америки [6].

Со временем комплаенс распространился на более широкие сферы деятельности человека, и к настоящему моменту представляет собой не просто узконаправленную деятельность, а целую отрасль, которую необходимо разрабатывать как в частном, так и государственном секторе.

С теоретической точки зрения, как «комплаенс», так и «комплаенс — контроль», даже с учетом перевода на русский язык не раскрывают заложенного в них значения. Одними авторами дается следующее определение комплаенса: «комплаенс представляет собой определенную систему мер, направленную на борьбу с нарушениями законодательства, а также на борьбу с игнорированием регламентов и этических норм, в том числе кодексов и прочих единиц» [4]. Иными теоретиками комплаенс рассматривается как процесс, в который входят такие последовательные действия, как определение компании применимости правовых норм, дальнейшую оценку антимонопольных рисков, а также последующее формирование локальных норм этикета и прочих регламентов.

Рассматривая комплаенс и комплаенс-контроль в применимости к Российской Федерации, стоит отметить следующее. Разумеется, комплаенс как направление деятельности в Российской Федерации к настоящему моменту развито достаточно слабо, по той причине,

что Российская Федерация не достигла того уровня развития экономических, финансовых и иных отношений, в отличие от США, Европы и других участников международных отношений. Именно по данной причине в регулировании данного процесса необходимо ориентироваться на практику таких государств, как Великобритания, США и иных ведущих стран.

Важно отметить качественное различие понимания и трактовки комплаенса в российских и зарубежных реалиях. Данный аспект не дает возможность сплошной имплементации норм по урегулированию комплаенс-контроля в России.

В целом комплаенс используется как совокупность финансово-правовых методов в оценке эффективности функционирования компании, в частности, для определения потенциальной стоимости компании, и пригодности её для вложения инвесторами своих средств, а также рисков контрольной деятельности [3].

Антимонопольный комплаенс представляет собой подвид комплаенса, равным счетом, как и антикоррупционный, экологический, налоговый и иной комплаенс.

Среди наиболее применимых к данному исследовательскому вопросу законов, можно отметить Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [1], согласно которому предупреждение антимонопольных нарушений входит в компетенцию антимонопольной службы [1, ст. 23]. Таким образом, ФАС России представляет собой основной регулятор, осуществляющий функции контроля за соблюдением антимонопольного законодательства хозяйствующими субъектами. В прямую обязанность ФАС России включено внедрение мер по предупреждению антимонопольных правонарушений, что подразумевает и разработку разъяснений по внедрению антимонопольного комплаенса, в том числе в рамках адвокатирирования конкуренции.

В настоящее время законодатель постепенно начал вводить положения, регулирующие правоотношения в сфере комплаенса. Так Федеральным законом от 01.03.2020 № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» статья 4 указанного закона была дополнена следующим понятием «система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства — совокупность правовых и организационных мер, предусмотренных внутренним актом (внутренними актами) хозяйствующего субъекта либо другого лица из числа лиц, входящих в одну группу лиц с этим хозяйствующим субъектом, если такой внутренний акт (внутренние акты) распространяется на этого хозяйствующего субъекта, и направленных на соблюдение им требований антимонопольного законодательства и предупреждение его нарушения» [1, Пункт 24 статьи 4]. Также Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» дополнился статьей 9.1, которая содержит положения о праве хозяйствующих субъектов вводить собственную систему антимонопольного комплаенса в виде внутренних актов.

Так данные акты должны содержать следующее:

- порядок проведения оценки рисков нарушения антимонопольного законодательства;
- меры, направленные на снижение коррупционных и монопольных рисков;
- меры, которые послужат основой к регулированию внутреннего антимонопольного комплаенс-контроля
- сведения об информировании работников хозяйствующего субъекта и об определении ответственного лица, в полномочия которого будет входить сфера контроля функционирования комплаенса требованиям антимонопольного законодательства.

Стоит отметить, что в соответствии с частью 5 статьи 9.1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» хозяйствующие субъекты вправе направить в федеральный антимонопольный орган внутренний акт или его проект (внутренние акты), разработанные в рамках введения системы антимонопольного комплаенса, для установления их соответствия требованиям антимонопольного законодательства. В течение 30 дней ФАС России дает свое заключение о соответствии или не соответствии данного акта (актов) антимонопольному законодательству (часть 6 статьи 9.1 указанного закона).

Под антимонопольным комплаенсом, согласно позиции Федеральной антимонопольной службы [7], понимается совокупность правовых, а также организационных и управленческих мер, с учетом внутренних (локальных) актов хозяйствующих субъектов (компаний и учреждений), направленных на соблюдение требования антимонопольного законодательства государства (Российской Федерации). Таким образом целью антимонопольного комплаенса становится обеспечение соответствия деятельности хозяйствующего субъекта нормам антимонопольного законодательства Российской Федерации.

Важно отметить, что в российской практике применение антимонопольного комплаенса не распространено, однако разработка и внедрение отдельных частей комплаенс-контроля имеет место быть в таких компаниях как, Роснефть, МТС, РУСАЛ и прочих [5].

Предпосылками внедрения антимонопольного комплаенса стали предписания ФАС России, которые были выданы в ходе отдельных антимонопольных разбирательств, либо при согласовании сделок экономической концентрации (согласно п. 21, ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», экономическая концентрация — сделки, иные действия, осуществление которых оказывает влияние на состояние конкуренции). Отдельными компаниями, такими как МТС, элементы антимонопольного комплаенс-контроля были введены в 2015 году на добровольной основе.

Согласно нынешнему положению, антимонопольный комплаенс-контроль видится инструментом минимизации антимонопольных правонарушений, который способствует снижению негативных последствий нарушения антимонопольного законодательства. В более уз-

конаправленном смысле антимонопольный комплаенс призван снижать вероятность нарушения антимонопольного законодательства отдельными исполнителями, за действия которых организация либо отдельные лица будут нести ответственность, в том числе и уголовную [8, с. 357]. Что касается государственных компаний и учреждений, то автор склонен поддержать позицию необходимости внедрения антимонопольного комплаенса в органах государственной власти. Важно отметить

обязательность внедрения данной системы мер в государственных органах, учреждениях и предприятиях, и добровольный характер внедрения для иных хозяйствующих субъектов.

В целом, автор исследования убежден в том, что система комплаенс-контроля, вне зависимости от того, в какой сфере она применяется является однозначно позитивным инструментом, позволяющим предупреждать правонарушения.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 17.02.2021) «О защите конкуренции».
2. United States Department of Health and Human Services, HHS [Электронный источник: <https://www.hhs.gov/>] Дата обращения: 15.06.2021
3. Абрамов В. Ю. Руководство по применению комплаенс-контроля в различных сферах хозяйственной деятельности: практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2020. 172 с.
4. Антикоррупционный комплаенс: как избежать обвинения во взятке [Электронный источник: <http://www.garant.ru/article/606329/>] Дата обращения: 15.06.2021
5. Бухтоярова С. В. Антимонопольный комплаенс: вопросы правового регулирования // Право и современная экономика, 2018. С. 142–147
6. Гармаев Ю. П., Иванов Э. А., Маркунцов С. А. О формировании антикоррупционного комплаенса в Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 106–128.
7. Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы [Электронный источник: <https://fas.gov.ru/>] Дата обращения: 16.06.2021
8. Доля И. А. Государственная политика ответственности в сфере антимонопольного законодательства: антимонопольный комплаенс и его внедрение в частный сектор // Инновационные подходы в современной науке, 2017. С. 355–365.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Использование скриншота в качестве доказательства в гражданском судопроизводстве как средство повышения доступности правосудия

Беляева Мария Сергеевна, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье автор анализирует возможность использования скриншота как одного из видов электронных доказательств при рассмотрении дел судами.

Ключевые слова: обеспечение доказательств, суд, информационно-телекоммуникационная сеть, снимок экрана, доказательство, скриншот.

Гражданский процесс и арбитражный процесс претерпели огромные изменения благодаря повсеместному распространению информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Среди прочего обогатился институт судебных доказательств — в практику судов вошли цифровые (электронные) доказательства.

По мнению С. А. Власовой, электронные доказательства — это сведения о наличии или отсутствии обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, имеющих значение для правильного разрешения дела, представленные в электронной форме [1, с. 16]. К числу электронных доказательств относится скриншот.

Скриншот (снимок экрана, англ. screenshot) — это распечатка материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Снимки экрана возможно получить как с помощью персонального компьютера, ноутбука, планшета, телефона, так и с помощью внешнего устройства (фотокамеры, видеокмеры или путем перехвата сигнала от компьютера к монитору) [2, с. 180].

Понятие «скриншот» не имеет законодательного закрепления, в связи с чем суды испытывают сложности при исследовании подобных средств доказывания.

Среди ученых и юристов-практиков складываются различные подходы к определению понятия «скриншот», рассмотрим некоторые характерные черты, которые отличают скриншоты от иных электронных доказательств.

Во-первых, скриншот представляет собой снимок экрана.

Во-вторых, снимок экрана должен содержать определенную информацию, которая, по мнению лица, сделавшего скриншот, имеет значение для правильного разрешения дела.

В-третьих, информация фиксируется в конкретный момент времени и конкретным человеком. Е. В. Иванова

отмечает, что «простая распечатка скриншота без надлежащего его удостоверения и реквизитов не может быть принята судом в качестве надлежащего доказательства. Вполне очевидно, что это информация диффамационного характера, то есть она может быть видоизменена и поэтому не соответствовать действительности. Важно надлежаще заверить скриншот в момент изготовления, для того чтобы, представив в суд копию уже существующего «скриншота-оригинала», он отвечал требованию достоверности» [2, с. 181].

В гражданском судопроизводстве установлено, что доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законе порядке сведения о фактах, на основании которых суд или арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела.

Суды относят скриншоты к письменным доказательствам, так как они изготавливаются на бумажном носителе (путем распечатки соответствующих страниц веб-сайтов или электронной почты из информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»).

Согласно ст. 102 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате», утвержденных ВС РФ 11.02.1993 за № 4462-1, по просьбе заинтересованных лиц нотариус обеспечивает доказательства, необходимые в случае возникновения дела в суде или административном органе, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным [3].

Процедура обеспечения доказательств инициируется по воле заявителя — он вправе обратиться к нотариусу с заявления об обеспечении доказательств до принятия к производству соответствующего искового заявления

судом. Нотариус заверяет страницы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» путем совершения осмотра веб-сайта, электронной почты, мобильного телефона и последующего составления протокола осмотра доказательств.

Несмотря на регламентированность нотариальной процедуры обеспечения доказательств, она имеет ряд существенных недостатков, ограничивающих ее применение.

Так, основным условием совершения данного нотариального действия является отсутствие соответствующего дела в суде, что сужает временные рамки возможности инициирования процедуры обеспечения доказательств.

Кроме того, на практике возникают ситуации, когда суд отказывает в принятии протокола осмотра доказательств в качестве надлежащего доказательства в связи с тем, что он составлен с нарушением требований законодательства. Нотариусы не так часто занимаются обеспечением доказательств, поэтому, к сожалению, качество протоколов осмотра доказательств далеко от идеала.

Особое внимание следует обратить на размер государственной пошлины и размер оплаты правовой и технической работы — часто заявители не имеют возможности оплатить обеспечение доказательств у нотариуса вследствие отсутствия у них необходимых денежных средств или по причине того, что подобные расходы представляются экономически нецелесообразными — цена иска может быть меньше суммы расходов на обеспечение доказательств с помощью нотариуса. Даже в случае удовлетворения иска маловероятно, что суд компенсирует подобные расходы заявителю, поэтому многие отказываются от обращения к нотариусу.

Следует отметить, что в вопросе обеспечения доказательств арбитражный процесс имеет преимущество перед гражданским процессом — в соответствии со ст. 72 АПК РФ законодатель предоставил возможность обратиться с заявлением об обеспечении доказательств. Однако, порядок обеспечения электронных доказательств, в частности скриншотов, АПК РФ не урегулирован.

Практика свидетельствует о том, что уже с начала 2000-х заявителями предпринимаются попытки использовать скриншот в качестве средства доказывания непосредственно в ходе рассмотрения дела, минуя процедуру обеспечения доказательств в досудебном порядке.

К сожалению, ни в одном процессуальном кодексе или ином законе не содержится порядок получения сведений, информации путем создания скриншота, порядок

его заверения, а также правила представления скриншота в суд в качестве доказательства.

Эта проблема приобретает особую актуальность в условиях цифровизации общества. ГПК РФ и АПК РФ устанавливают, что доказательства должны отвечать требованиям относимости, допустимости и достоверности. Судьи могут принять скриншоты в качестве доказательств только в случае, если они отвечают всем свойствам доказательств.

Своеобразным прорывом в этой области можно считать положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», в которых впервые прозвучали требования к скриншоту как к допустимому обстоятельству по делу, сформированные судебной практикой и зафиксированные на столь высоком уровне. К сожалению, до настоящего времени эти требования не закреплены в процессуальных кодексах. Кроме того, соответствующие положения имеют достаточно узкое применение — Пленум Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» в своем постановлении предлагает судам рассматривать надлежащим образом заверенные скриншоты при рассмотрении дел о защите нарушенных интеллектуальных прав, что не позволяет говорить об универсальности требований к скриншоту в отношении других категорий дел [4].

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что выявленные недостатки ограничивают применение нотариальной процедуры обеспечения доказательств, что оказывает влияние на доступность правосудия в целом. Представляется, что необходимо законодательное закрепление иных процедур, направленных на обеспечение средств доказывания до подачи иска в суд, а также процедур заверения электронных доказательств в период рассмотрения дела в суде (в частности, необходимо разработать и закрепить процессуальные нормы, содержащие требования к скриншотам, которые представляются заявителями в качестве средств доказывания).

Следует согласиться с Е. В. Ивановой, отметившей, что «институт электронных доказательств нуждается в регулировании не на уровне ведомственных приказов, информационных писем, постановлений Пленума ВС РФ, а на уровне процессуальных кодексов, поскольку присутствуют специфические особенности их применения в каждом из судопроизводств при рассмотрении конкретной категории дел» [2, с. 182].

Литература:

1. Власова, С. А. Электронные доказательства как часть информационных технологий в гражданском судопроизводстве / С. А. Власова. — Текст: непосредственный // *Ius Publicum et Privatum*. — 2019. — № 3 (5). — С. 16.
2. Иванова, Е. В. Скриншот — цифровая возможность в процессе доказывания: проблемные аспекты / Е. В. Иванова. — Текст: непосредственный // *Право и государство: теория и практика*. — 2019. — № 12 (180). — С. 180.

3. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 30.04.2021) — В данном виде документ опубликован не был. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.06.2021).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.06.2021).

Соотношение оснований конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника

Старцев Игорь Викторович, юрист
ООО «Юридическая фирма «Инкейс» (г. Москва)

В статье автор исследует соотношение оснований конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника, существующие в текущем законодательстве и судебной практике.

Ключевые слова: банкротство, внеконкурсное оспаривание, оспаривание сделок.

Введение
Внеконкурсное оспаривание — это признание сделки недействительной, которая была совершена во вред кредитору, по иску данного кредитора вне рамок конкурсного производства. Соответственно, конкурсное оспаривание — это оспаривание сделок должника в рамках конкурсного производства, т. е. по основаниям, предусмотренным главой III. 1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1]

В законодательстве отсутствуют положения, позволяющие кредиторам вне дела о банкротстве оспаривать сделки, которые нарушают их права, однако в судебной практике данная возможность присутствует.

За период с 2015 года по настоящее время данный вопрос рассматривался как минимум в 17 делах коллегии по гражданским делам ВС РФ, и в двух делах коллегии по экономическим спорам. В конце 2020 года возможность внеконкурсного оспаривания была подтверждена Пленумом ВС РФ в п. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 N 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» При этом сама необходимость внеконкурсного оспаривания возникает из-за низкой эффективности и дороговизны банкротной процедуры.

Так, согласно статистическому бюллетеню ЕФРСБ [2] около 70% кредиторов ничего не получают по итогам процедуры.

В связи с тем, что судебной практикой признается внеконкурсное оспаривание сделок, возникает вопрос по поводу его соотношения с основаниями оспаривания, предусмотренными в ФЗОБ, что и будет исследовано в данной работе.

Недопустимость злоупотребления правом как основание оспаривания сделки

В судебной практике ввиду отсутствия специальных оснований для внеконкурсного оспаривания для этого используются общегражданские основания оспаривания сделок. Самым распространенным является связка ст.

ст. 10 и 168 ГК РФ [1], т. е. признание сделки недействительной в связи с ее противоречием закону, т. к. при ее совершении сделка допущено злоупотребление правом, запрещенное п. 1 ст. 10 ГК РФ.

В дополнение к специальным основаниям, закрепленным в ст. ст. 61.2–61.3 ФЗОБ, в рамках дела о банкротстве допускается возможность оспаривания по основаниям, предусмотренным ГК РФ. Соответственно, оспаривание сделок должника в связи со злоупотреблением правом возможно, как во время конкурса, так и вне его.

Законодательно, запрет злоупотребления правом закреплен в п. 1 ст. 10 ГК РФ. Согласно, тексту данной статьи не допускается осуществление прав с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомое недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Данное понятие раскрывается в судебной практике Верховного суда. Так согласно, Определению ВС РФ от 14 апреля 2015 года N 33-КГ15-5 под злоупотреблением правом понимается поведение лица в пределах предоставленных ему прав, но недозволенным образом. В Определении Верховного Суда РФ от 03.02.2015 N 32-КГ14-17 суд высказал позицию о том, что злоупотреблением правом по смыслу ст. 10 ГК РФ является осуществление субъективного права в противоречии с его назначением, в частности злоупотребление правом возникает, когда субъект поступает вопреки соответствующей правовой нормы и не соотносит свое поведение с интересами государства и общества.

К. А. Усачева считает [4], что внеконкурсное оспаривание является санкцией за недобросовестное поведение должника, тогда как в иностранных правовых системах внеконкурсное оспаривание существует для защиты прав и интересов кредиторов за счет удовлетворения из имущества должника которое оказалось у ответчика, т. е. ст. 10 ГК РФ используется в данной ситуации в связи с тем, что в российском правовом порядке отсутствуют иные способы защиты прав кредитора.

В Определении СКГД от 1 декабря 2015 г. N 4-КГ15-54 ВС РФ определил обстоятельства подлежащие доказывания для признания сделки недействительной по данному основанию, а именно:

- наличие или отсутствие цели совершения сделки, отличной от цели, обычно преследуемой при совершении соответствующего вида сделок;
- наличие или отсутствие действий сторон по сделке, превышающих пределы дозволенного гражданским законодательством
- наличие или отсутствие негативных правовых последствий для участников сделки, для прав и законных интересов иных граждан и юридических лиц
- наличие или отсутствие у сторон по сделке иных обязательств исполнению которых совершение сделки создает или создаст в будущем препятствия.

В дальнейшем ВС РФ существенно не изменял данные критерии, лишь толкуя их, применительно к конкретным делам, например, разрешая оспаривать договор купли продажи (Определения СКГД ВС РФ от 8 декабря 2015 г. N 5-КГ15-164) или брачный договор (Определение СКГД ВС РФ от 14 июня 2016 г. N 52-КГ16-4) или подчеркивая, что продажа актива по заниженной в несколько раз цене является признаком злоупотребления правом (Определение КЭС ВС РФ от 13.06.2017 по делу № 301-ЭС16-20128).

Вышеуказанные критерии носят оценочный и узконаправленный характер в связи с тем, что они основываются на принципе добросовестности. Из-за отсутствия законодательного регулирования внеконкурсного оспаривания данный институт не получает широкого распространения в судебной практике.

При этом важно отметить, что аналогичная ситуация была с конкурсным оспариванием до его законодательного урегулирования, т. е. до момента вступления в силу ФЗ от 29.04.2009 № 73-ФЗ, с которым были внесены соответствующие изменения в закон о банкротстве, дополнившие его главой об оспаривание сделок по специальным основаниям.

Исходя всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что использование совокупности ст. ст. 10 и 168 в отсутствие законодательного регулирования данного института не является удовлетворительной. Растущее количество судебных дел, которые рассматриваются высшим судом по данному вопросу, говорит о законодательном пробеле.

При этом средств, представленных в ФЗОБ, недостаточно в связи с тем, что для их применения необходимо инициировать процедуру банкротства, что затратно для кредитора.

Мнимая сделка

Доктрина мнимой сделки получила широкое развитие в рамках внеконкурсного оспаривания, являясь вторым по популярности основанием недействительности.

Согласно, п. 1 ст. 170 ГК РФ под мнимой сделкой понимается сделка, совершенная лишь для вида без на-

мерения создать соответствующие правовые последствия. При этом важно доказать, что обе стороны сделки не имели намерения для создания правового эффекта [5].

В п. 86 Постановления Пленума № 25 от 23.06.2015 указывается, что стороны сделки могут совершить ее формальное исполнение, например, составить соответствующий договор или совершить регистрацию перехода права на недвижимое имущество в реестре недвижимости.

Мнимые сделки — один из наиболее популярных способов по выводу активов от взыскания со стороны кредитора, в связи с тем, что фактическим собственником имущества остается должник. При этом встает вопрос о разграничении данного состава недействительности с ранее упомянутой совокупностью ст. ст. 10+168 ГК РФ. В Определении ВС РФ от 19.04.2016 N 83-КГ16-4 указывает, что решающим для разграничения является видимость исполнения, например, как в деле Кленичева против Забора должник продолжал пользоваться автомобилем, который был продан дочери.

К. А. Усачева считает [6], что критерии, предложенные Верховным судом, не позволяют разграничить составы оспаривания, предусмотренные совокупностью ст. 10+168 и ст. 170 ГК РФ. В связи с тем, что если бы сделка не совершила правового эффекта, то кредитор бы имел возможность для получения доступа к выведенному активу.

При этом мнимая сделка, как основание признания сделки недействительной, является достаточно сложным в доказывании. Во всех делах, в которых используется данное основание для внеконкурсного оспаривания, имущество переходило к близким лицам, чаще всего родственникам.

И это при том, что в данном случае ВС РФ и так достаточно широко использовал понятие мнимой сделки, так как на практике очень сложно отличить мнимую передачу актива от желания должника спрятать актив через передачу собственности аффилированному лицу.

Факт пользования должником имуществом, которое у него ранее было в собственности, не может прямо свидетельствовать о мнимости сделки, потому что переход права собственности уже произошел, т. е. правовой эффект состоялся. Именно поэтому в абз. 6 п. 2 ст. 61.2 ФЗОБ одним из условий, свидетельствующих о том, что целью сделки было причинение вреда имущественным интересам кредиторов является ситуация, когда после совершения сделки по передаче имущества должник продолжал им владеть или пользоваться, либо давать указания его собственнику об определении судьбы имущества, т. е. законодатель имел в виду, что данное условие свидетельствует о неправомерной цели сделки, при этом не указывая на ее прямую мнимость.

Если проанализировать данные о применении данного института в ситуации, когда существуют иные основания оспаривания сделок должника, то можно сделать вывод о том, что мнимость проигрывает конкуренцию специальным основаниям, представляется вероятным, что оно неэффективно для данной категории споров.

К аналогичным выводам пришли авторы законопроекта № 73-ФЗ от 28.04.2009, который добавил в ФЗОБ подробное регулирование оспаривание сделок должника во время конкурса. В пояснительной записке к законопроекту [7] авторы указали на то, что существующая к 2009 году практика оспаривания сделок должника по общегражданским основаниям не является эффективной, и поэтому требуется принятие специального законопроекта регулирующий данный вопрос. Такую же аргументацию можно применить к практике внеконкурсного оспаривания. Развитие данного института в судебной практике свидетельствует о том, что у оборота существует потребность в оспаривании сделок должника без инициирования процедуры банкротства и существующие механизмы в виде оспаривания сделок по общегражданским основаниям не могут обеспечить достаточную степень защиты интересов кредиторов.

Ущерб интересам кредиторов и конкурсной массе

У лица возникает право на иск в случае, если его права и законные интересы нарушены. При этом для целей исследования важно понимать, в чем отличия между ущербом интересам кредиторов и ущербом конкурсной массе, и, следовательно, не происходит ли дублирования способов защиты, если допустить внеконкурсное оспаривание, в основе которого лежит ущерб интересам кредиторов.

Изначально, механизм оспаривания сделок, совершенных должником во вред кредиторам, возник в римском праве. Данный институт носил название *Actio Paulina*. При этом данный институт защищал права конкурсных кредиторов и лишь позднее распространился на оспаривание фраздативных актов со стороны отдельных кредиторов вне и помимо конкурса [8]. Также, необходимо отметить, что в римском праве объективному намерению по причинению вреда кредитору должно было корреспондировать субъективное намерение должника по причинению вреда кредиторам. [8] Как отмечается в литературе, влияние данного иска для римского права огромно, т. к. *Actio Paulina* лег в основу развития всего конкурсного процесса [9].

Х. Коциоль [10] считает, что в процессе оспаривания сделок защищается право кредитора на удовлетворение требований из имущества должника. При этом данное право имеет, как и конкурсного кредитора, так и у кредитора до возбуждения дела о банкротстве. К. А. Усачева [4], применительно к внеконкурсному оспариванию, делает вывод о том, что кредиторам в результате совершения должником сделки, причиняется вред путем уменьшения возможности получения доступа к имуществу должника для удовлетворения своих требований.

При этом, сам вред, который наносится кредиторам, не может являться основанием для оспаривания. А. Х. Гольстмен [11] выделяет три теории, обосновывающие основание оспаривания для кредитора.

Первая теория основывается на том, что основанием права оспаривания для кредитора является деликт, который должник совершил вместе с контрагентом.

Аналогичную теорию описывает Х. Коциоль [10] в своей работе. При этом контрагент по сути является соучастником совершаемого правонарушения, и именно поэтому у должника появляется право на иск по отношению к контрагенту. При этом А. Х. Гольстмен [11] выделяет недостатки, которые существуют у данной теории. В первую очередь у ее сторонников отсутствует единый принцип, на основании которого можно построить целый институт. Во-вторых, существует проблема с тем, что деликт не может давать основания для оспаривания сделки должника, а также то что в результате деликта, невозможно обоснование возможности требования контрагента по возврату полученного по сделке должником, именно поэтому автор признает данную теорию несостоятельной для данного вопроса.

Вторая теория основана на недействительности полной недействительности сделки должника и соответственно возвратом актива, который выбыл в результате исполнения сделки. Критика данной позиции сводится к тому, что полное уничтожение договора — это слишком суровая мера для данного правонарушения, а также что тем самым возможно излишнее нарушение прав кредитора.

Третья теория, которую предлагается А. Х. Гольстменом [11], является подобием теории гарантирующей недействительности, предложенной Х. Коциолем [10]. Суть ее сводится к тому, что акт признается недействительным только в той мере в какой необходимо для удовлетворения требований кредиторов, при этом иск подается исключительно к контрагенту, не привлекая в качестве ответчика самого должника.

В случае же конкурсного оспаривания вред кредиторам причиняется опосредовано, через уменьшение возможной конкурсной массы, т. к. в связи с принципом равенства кредиторы не могут напрямую получить доступ к имуществу должника и соответственно полностью удовлетворить свои требования. Понятие имущественного вреда кредиторов раскрывается в п. 5 Постановления Пленума ВАС № 63. Согласно, данному Постановлению под имущественным вредом понимается уменьшение стоимости или размера имущества должника и (или) увеличение размера имущественных требований к должнику, а также иные последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий, приведшие или могущие привести к полной или частичной утрате возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества. Из всего вышеописанного можно сделать вывод о том, что ущерб интересам кредиторов до конкурса и во время конкурса носит похожий характер, однако из-за начала процедуры банкротства кредитор утрачивает возможность для единоличного удовлетворения своих требований.

До начала процедуры банкротства все кредиторы выступают независимо друг от друга, и поэтому каждый из них не учитывает интересы другого кредитора. В случае же начала процедуры банкротства кредиторы

одной очереди становятся равными, то есть становится невозможным удовлетворение преимущественное удовлетворение требований одного из кредиторов. Из этого вытекает возможность оспаривания преференциальных сделок, т. е. оспаривание сделок на основании ст. 61.3. ФЗОБ. Следовательно, в случае внеконкурсного оспаривания, оспаривание сделок с предпочтением не представляется возможным, в связи с тем, что кредиторы до банкротства не являются равными. Следовательно, отсутствие возможности оспаривания преференциальных сделок является одним из отличия рассматриваемых видов оспаривания.

Иск кредитора по оспариванию сделки представляет собой вторжением в чужие договорные отношения, а также ущемлением прав противоположной стороны, т. е. противника по оспариванию, поэтому возможность оспаривания сделки базируется на балансе интересов истца и противника по оспариванию (контрагент должника по оспариваемой сделке.)

Х. Коциоль [10] в своей работе обосновывает удовлетворение иска со стороны кредитора, в связи с тем, что противник по оспариванию, менее заслуживает защиты в связи с намерением причинить вред кредитору или безвозмездностью сделки. Аналогичной позиции придерживается ВС РФ. В первых делах, которые были посвящены внеконкурсно оспариванию, недействительными были признаны безвозмездные сделки. (Определение СКГД от 1 декабря 2015 г. N 4-КГ15-54; Определения СКГД от 8 декабря 2015 г. N 5-КГ15-179). Однако, ВС РФ в отличие от европейских правовых порядков, даже в случае безвозмездной сделки упоминал цель по причинению вреда кредиторам, как общее условие для признания сделки недействительной по иску кредитора.

Аналогичная ситуация складывается практически во всех составах конкурсного оспаривания, кроме признания сделки недействительной на основании п. 2 ст. 61.3, т. е. оспаривание сделки с преимущественным удовлетворением, совершенной после принятия заявления о признании должника несостоятельным или в течение одного месяца до момента принятия вышеуказанного заявления. Это является еще одним проявлением принципа равенства кредиторов, из-за которого отличаются составы конкурсного и внеконкурсного оспаривания.

В остальном общий состав внеконкурсного оспаривания, т. е. оспаривание сделок с намерением причинить вред кредиторам напоминает составы оспаривания сделок должника, предусмотренные ст. 61.3 ФЗОБ. Соответственно в этом аспекте данные институты являются схожими. аргументов, связанных с эффективностью процедуры банкротства.

Далее необходимо рассмотреть вопросы, возникающие в связи с соотношением составов внеконкурсного и конкурсного оспаривания, в частности вопрос, связанный с возможностью подачи повторного иска уже в рамках конкурсного производства.

Представляется, что в случае, если кредитор проиграл иск о внеконкурсно оспаривании, то он утрачивает

право на повторную подачу данного иска в рамках конкурсного производства, но другие кредиторы в случаях предусмотренных ФЗОБ не утрачивают данное право, т. к. согласно п. 2 ст. 127 АПК РФ отказ в принятии искового заявления происходит если имеется вступившее в законную силу решение суда по аналогичным лицам и тождественностью предмета и основания иск, соответственно иные кредиторы не утрачивают право на иск. Такое же право имеет конкурсный управляющий и иные лица, предусмотренные ст. 61.9 ФЗОБ. При этом, согласно п. 32 Постановления Пленума ВАС № 63 исковая давность для управляющего начнет течь с момента, когда первый конкурсный управляющий узнал или должен был знать о том, что имеются основания для оспаривания сделки предусмотренные ФЗОБ. Для конкурсного кредитора исковая давность, также течет с момента, когда он узнал или должен был узнать об основаниях для недействительности сделки.

При этом важно отметить, что сейчас складывается довольно странная ситуация в связи с тем, что по ФЗОБ сделки являются оспоримыми, а в случае оспаривания по общегражданским основаниям ничтожными. В практической плоскости данный факт в первую очередь влияет на исковую давность, т. к. по общему правилу составляет три года, что больше, чем исковая давность по неэквивалентным сделкам и равна давности, предусмотренной для оспаривания сделок во вред кредиторам. При этом решение данного вопроса представляется достаточно простым. В случае если внеконкурсное оспаривание будет урегулировано на законодательном уровне, то ему данные сделки необходимо сделать оспоримыми. При этом все равно возникнет ситуация, связанная с тем, что возникнет возможность по оспариванию сделок по общегражданским основаниям. Представляется, что в данной ситуации решение, которое было предложено Верховным судом в рамках конкурсного оспаривания, т. е. оспаривание по общегражданским основаниям будет возможно лишь в случае, если порок сделки выходит за рамки закона. Данная ситуация применима для внеконкурсного оспаривания, т. к. в законе невозможно учесть все возможные варианты, которые могут возникнуть в практике.

Также представляется важным отметить, что в научной литературе поднимаются вопросы, связанные с невозможностью конкурсного оспаривания в рамках процедуры наблюдения. Так О. Р. Зайцев [12] считает, что невозможность оспаривания сделок по банкротным основаниям несправедливой. При этом, если судебная практика допускает внеконкурсное оспаривание сделок во вред кредиторам до открытия банкротной процедуры, то очень странно, что процедура наблюдения должно лишать данного права кредитора. А если какое-то право имеет единичный кредитор, то было бы странно, если бы данного права не имел временный управляющий, т. е. лицо, которое представляет интересы всех кредиторов. Поэтому, если на законодательном уровне будет урегулирован процесс внеконкурсного оспаривания, то в случае

если к этому моменту не будет допущена возможность по конкурсному оспариванию сделок должника, то оспаривание сделок во вред кредиторам в наблюдении необходимо реализовать в рамках внеконкурсного оспаривания. При этом во избежание проблем, связанных с правовыми последствиями данного вида оспаривания, представляется обоснованным допущение данного вида оспаривания, только для временного управляющего.

Выводы

Причинение вреда интересам имущественной и конкурсной массе является достаточно схожими и состоит в том, что из-за действий должника уменьшается имущество для удовлетворения требований кредиторов. Различия начинают проявляться, когда начинается банкротство и начинает действовать принцип равенства кре-

диторов, и именно поэтому в рамках внеконкурсного оспаривания невозможно оспаривание преференциальных сделок.

Выбор теории, на которой строится внеконкурсное оспаривание, в первую очередь зависит от правовых последствий, которые она за собой несет, однако на данном этапе можно сделать вывод о том, что необходимо признание сделки недействительной либо в части, гарантирующей интересы истца, либо полностью.

Что касается соотношения конкурсного и внеконкурсного оспаривания, можно сделать вывод о том, что в случае если кредитор проиграл иск, то иные кредиторы либо арбитражный управляющий имеют право заново подать данный иск в случае открытия банкротной процедуры.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. 2002. № 209–210;
2. Статистический бюллетень ЕФРСБ за 2019 год // URL: <http://download.fedresurs.ru/news/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20%D0%95%D0%A4%D0%A0%D0%A1%D0%91%202019.pdf> (дата обращения: 26.05.2021);
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238–239;
4. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право, и европейская правовая традиция (Усачева К. А.) («Вестник гражданского права», 2017, N 5) СПС Консультант Плюс;
5. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. — М.: М- Логос, 2018;
6. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция (Усачева К. А.) («Вестник гражданского права», 2017, N 5) СПС Консультант Плюс;
7. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» и Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» СПС Консультант Плюс;
8. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам (по поводу законопроекта, внесенного в Государственную Думу) (Гримм Д. Д.) («Вестник гражданского права», 2010, N 4) СПС Консультант Плюс;
9. МЕХАНИЗМ АСТЮ PAULIANA КАК КОНКУРСНО-ПРАВОВОЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ КРЕДИТОРОВ Телюкина М. В., Российская Академия народного хозяйства и государственной службы, доктор юридических наук, профессор // URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/38535188.pdf> (дата обращения: 29.04.2021);
10. Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам, С180. Пер. К. А. Усачевой // Вестник гражданского права. 2017. № 3, № 4;
11. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе — Гольмстен А. Х., Москва — 2019;
12. Олег Зайцев: «Когда арбитражный управляющий может оспорить сделку? Нюансы исчисления давности» Источник: <https://www.eg-online.ru/article/366425/> // Экономика и жизнь URL: <https://www.eg-online.ru/article/366425/> (дата обращения: 05.05.2021).

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Конституционно-правовые основы судоустройства в Содружестве Австралии

Шаханин Владислав Александрович, преподаватель
Анапский сельскохозяйственный техникум

В настоящей статье рассматриваются содержащиеся в действующей Конституции Австралии положения относительно судоустройства в данной стране. Отражены особенности формы правления в Австралии. Текст статьи содержит необходимый справочный материал в форме таблицы.

Ключевые слова: Австралия, конституция, судебная власть, суд, правосудие, судоустройство.

Исследование различных сторон государственного устройства других стран, несомненно, представляет как теоретический, так и практический интерес. Отличительной особенностью государственного устройства Австралии (Содружества Австралии, Австралийского Союза) является сочетание британской и американской моделей такового. Действующая Конституция 1900 г. закрепляет монархическую форму правления и федеративное устройство территории страны [1]. В Конституции проводится принцип разделения властей. Хотя, необходимо отметить, не очень последовательно. Так, глава государства — монарх является и составным элементом Парламента, которому принадлежит законодательная власть Содружества, и, в то же время, осуществляет исполнительную власть в стране. Поскольку пост главы государства занимает британский монарх, его представляет Генерал-губернатор. На практике же повседневное управление страной сосредоточено в кабинете министров во главе с премьер-министром. В данной статье мы попытаемся рассмотреть конституционно-правовые основы судоустройства в Содружестве Австралии.

Глава III Конституции Австралии в самом общем виде характеризует судоустройство страны. Согласно ст. 71 Конституции судебной властью Содружества наделяются Федеральный Верховный Суд — Высокий Суд Австралии, создаваемые Парламентом федеральные суды и наделенные федеральной юрисдикцией другие суды. Высокий Суд состоит из главного судьи и не менее чем двух иных судей. Точное их количество определяет Парламент. В настоящее время их насчитывается шесть.

В ст. 72 Конституции говорится об особенностях значения, сроке полномочий и жалованье судей. Судьи Высокого Суда и других созданных Парламентом судов:

- 1) назначаются Генерал-губернатором в Совете;
- 2) не могут быть смещены, кроме как Генерал-губернатором в Совете по обращению обеих палат Парламента на той же сессии, просящих о таком

смещении на основании доказанного проступка или недееспособности;

- 3) получают установленное Парламентом жалование; жалование не может быть уменьшено во время их пребывания в должности.

Назначение судьи Высокого Суда происходит на срок, истекающий по достижении им возраста семидесяти лет, и лицо не может быть назначено судьей Высокого Суда, если оно достигло этого возраста.

Назначение судьи созданного Парламентом суда производится на срок, истекающий по достижении им возраста, который на момент его назначения являлся максимальным возрастом для судей этого суда. Лицо не может быть назначено в качестве судьи такого суда, если он достиг возраста, который на данный момент является максимальным возрастом для судей этого суда.

Конституция устанавливает максимальный возраст для судей любого учрежденного Парламентом суда. Он равен семидесяти годам.

Парламент вправе принять закон, устанавливающий возраст менее семидесяти лет в качестве максимального возраста для судей образованного Парламентом суда. Он может в любое время отменить или изменить такой закон, но любая такая отмена или изменение не влияет на срок полномочий судьи, назначенного до отмены или изменения.

Судья Высокого Суда или учрежденного Парламентом суда может подать в отставку, отправив письменное сообщение Генерал-губернатору.

Ст. 73 Конституции регулирует апелляционную юрисдикцию Высокого Суда. Высокий Суд обладает юрисдикцией, за такими исключениями и в соответствии с такими регламентами, которые предписываются Парламентом, рассматривать и принимать решения по апелляциям на все судебные решения, декреты, приказы и приговоры:

- 1) любого судьи или судей, осуществляющих первоначальную юрисдикцию Высокого Суда;

- 2) любого другого федерального суда или суда, осуществляющего федеральную юрисдикцию; или верховного суда любого штата, или любого другого суда любого штата, из которого при учреждении Содружества была подана апелляция к Королеве в Совете;
- 3) Межгосударственной Комиссии, но только по вопросам права.

Решение Высокого Суда по всем указанным выше делам является окончательным.

При этом никакие исключения или правила, предписанные Парламентом, не должны были создавать препятствий для Высокого Суда при рассмотрении и принятии решения по любой апелляции из верховного суда штата по любому вопросу, по которому при учреждении Содружества из такого верховного суда была подана апелляция Королеве в Совете.

Пока Парламент не установит иное, условия и ограничения на подачу апелляций к Королеве в Совете из верховных судов нескольких штатов применяются к апелляциям из них в Высокий Суд.

Согласно ст. 74 Конституции не допускается апелляция к Королеве в Совете на решение Высокого Суда по любому вопросу относительно разграничения конституционных полномочий между Содружеством и одним или несколькими штатами, между двумя или более штатами. В то же время, Высокий Суд вправе допустить направление такой апелляции.

На основании ст. 75 Конституции Высокий Суд обладает юрисдикцией первой инстанции по всем делам:

- 1) возникающим из любого договора;
- 2) затрагивающим консулов или иных представителей других стран;
- 3) в которых Содружество, или лицо, подающее в суд или против которого предъявляется иск от имени Содружества, является стороной;
- 4) между штатами, или между резидентами разных штатов, или между штатом и резидентом другого штата;
- 5) в которых судебный приказ должностному лицу о выполнении требований истца, запрет или судебный запрет испрашивается против должностного лица Содружества.

Согласно ст. 76 Конституции Парламент может принимать законы, наделяющие Высокий Суд юрисдикцией первой инстанции по любому делу:

- 1) возникающему в соответствии с Конституцией или связанному с ее толкованием;
- 2) возникающему в соответствии с законами, принятыми Парламентом;
- 3) Адмиралтейства и морской юрисдикции;
- 4) относящемуся к одному и тому же предмету, заявленному в соответствии с законами разных штатов.

По любому из вопросов, упомянутых в ст. 75 и 76, Парламент вправе принимать законы:

- 1) определяющие юрисдикцию любого федерального суда, кроме Высокого Суда;
- 2) определяющие степень, до которой юрисдикция любого федерального суда должна быть исключена из юрисдикции, принадлежащей судам штатов или находящейся в их ведении;
- 3) наделяющие любой суд штата федеральной юрисдикцией (ст. 77).

Парламент может принимать законы, дающие право возбуждать судебные дела против Содружества или штата по вопросам, находящимся в компетенции судебной власти (ст. 78).

Федеральная юрисдикция любого суда может осуществляться таким количеством судей, которое определяется Парламентом (ст. 79).

Судебное разбирательство по обвинению в любом преступлении против любого закона Содружества происходит с участием присяжных. Каждое такое судебное разбирательство осуществляется в штате, где преступление было совершено. Если же преступление не было совершено в определенном штате, судебное разбирательство проводится там, где определит Парламент (ст. 80).

Таким образом, мы видим определенное сочетание британской и американской моделей, в данном случае, судостроительства (см. таблицу 1). Для более глубокого изучения судостроительства в Австралии необходимо, помимо Конституции, использовать ряд отдельных законов. К числу таких законов можно отнести, например, Акт о судостроительстве 1903 г., Акт о Федеральном Суде Австралии 1976 г. и Акт о Высоком Суде Австралии 1979 г.

Таблица 1. Иерархия судов в Австралии [2]

Высшие суды	Высокий Суд Австралии					
	Суд полного состава Федерального Суда	Суд полного состава / Суд Апелляции верховных судов		Суд полного состава Семейного Суда		
	Федеральный Суд	Верховные суды территорий	Верховные суды штатов	Семейный Суд Австралии (все другие штаты)	Семейный Суд Западной Австралии	
Окружные / графские суды штатов						
Низшие суды	Федеральный Суд магистратов	Суды магистратов территорий (включая суды коронеров и суды по делам детей)		Суды магистратов штатов (могут применять федеральные семейные законы)		
	Федеральные трибуналы	Трибуналы территорий	Трибуналы штатов	Суды коронеров (некоторые — независимые)	Суды по делам детей	Электронные системы правонарушения и правоприменения

Литература:

1. Commonwealth of Australia Constitution Act (The Constitution). URL: <http://www.legislation.gov.au> (дата обращения: 08.01.2021).
2. Hierarchy of Courts. URL: <http://www.abs.gov.au> (дата обращения: 08.01.2021).

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 7 (31) / 2021

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 05.08.2021. Дата выхода в свет: 10.08.2021.

Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.